

Катя ехала к подруге на трамвае. Напротив сидели двое парней. Один другому рассказывал, как съездил в Турцию.

— А че в Турцию-то? Там же неинтересно, — говорил собеседник.

— Да нет, классно погудели! Все включено, бассейн огромный...

— Да там же смотреть нечего!

— А что там надо было посмотреть?

— Ты что, и на экскурсии ни на какие не ездил?

— Я не помню — я все время бухой был! Гы-гы-гы-гы!..

Катя презрительно покосилась на «пилигрима» и встала. Она выходила на следующей остановке.

«Ну сейчас у Женьки будет то же самое», — подумала она.

Подъезд, облезлый лифт с бабушкой и пекинесом с полувывалившимися глазами, запах борща на седьмом этаже... Катя нажала на кнопочку звонка. Сейчас начнется...

— Ну рассказывай! Как съездила, подруга?..

Катя сидела на коряге, валявшейся на берегу, и смотрела на волны. В это время года океан у берегов Шри-Ланки штормил днем и ночью. Над калиткой, ведущей на территорию отеля, развевался желтый флаг — это означало, что купаться опасно.

Трое русских туристов, однако, отчаянно сражались с волнами, войдя в воду по пояс — они были навеселе и считали, что у них «ультра все включено», в том числе море.

Молодой смуглый охранник уже минут двадцать, облизываясь, кружил над Катей, наконец, осмелел настолько, что подошел и спросил:

— Madam, are you alone*?

— No, I wait for my boyfriend**, — ответила Катя и отвернулась от жадного взгляда аборигена.

С того момента, как она ступила на землю этого острова, на нее постоянно глазели здешние мужчины — и не просто смотрели, а чуть шеи не сворачивали, совершенно не стеснясь откровенно разглядывать белую женщину. Сначала от этого было не по себе, но уже через пару дней Катя привыкла. И все же одна, без сопровождения, она бы сюда приехать не рискнула... Ну куда же запропастился Петя? Ее уже начинал напрягать тяжелый блестящий взгляд этого сингальца...

А волны шумели и гипнотизировали, засасывая в другое измерение. Их пенные прохладные языки изредка докатывались до босых ступней Кати, все глубже увязающих в песке. Маленькие крабики сновали из дыры в дыру в проделанных ими же в песчаной поверхности берега ходах-лабиринтах. Так можно было сидеть очень долго, хоть целую вечность, постепенно растворяясь в величии окружающего пространства, сливаясь с океаном в одно целое — с тем, из чего мы вышли и куда все когда-нибудь снова уйдем, каждый в свое время.

— Are you like Lanka? — спросил охранник, снова незаметно приблизившись. — Lanka is very beautiful! Wonderful Lanka!*** — сказал он, остановившись рядом с корягой. И тоже устремил взгляд в океанскую бездну.

Не удостоив его ответом, Катя нетерпеливо оглянулась. Петя с двумя коктейлями спешил на помощь со стороны лобби-бара. Как только он подошел, охранника и след простыл.

— Что ему было надо? — спросил он, проводив сингальца недовольным взглядом, передавая Кате стакан и усаживаясь рядом на корягу.

— Известно что! Он интересовался, не одна ли я здесь. Припарился, как банный лист.

— Слушай, я тут сейчас с барменом болтал. Он мне сказал, что этих ребят, бич-боев, до вечера на пляже не будет: если с утра нет, значит, они все разъехались по экскурсиям. Сегодня вечером вернутся, и можно будет договориться на завтра. Еще не советовали покупать экскурсии у Ануша — говорят, он анашой лучше банчит, чем о местных достопримечательностях рассказывает. По-русски ни бельмеса...

* Madam, вы одна?

** Нет, я жду своего друга.

*** «Шри-Ланка» в переводе с сингальского — «благословенная земля». В данном случае сингалец называет ее «очень красивой», «удивительной землей».

— А кто тут анашой не банчит? — не отрывая взгляда от волн, произнесла Катя, вспоминая вчерашнюю прогулку по вечерней Калутаре. От назойливых предложений наркоторговцев отбоя не было. Главное — не разговаривать с ними, тогда они вскоре отвязывались.

После обеда вышло солнце. Океан от этого не присмирел, но можно было позагорать. Катя расстелила большое полосатое полотенце на шезлонге и с наслаждением вытянулась на нем под причудливо изогнутой пальмой. После плотного ланча хотелось поваляться, и на этот раз Катя не стала противиться этому желанию, идущему вразрез с желанием сохранить фигуру. Во рту все еще жгло от слишком острой ланкийской пищи, но и к этому Катя уже успела привыкнуть за три дня. Хотя пикантность национальной кухни превосходила все ожидания — некоторые блюда даже она, любительница остренького, есть не могла.

Катя стала лениво оглядывать окружающий пейзаж из-под широких волнистых полей своей шляпы. По одну сторону от пляжной территории отеля виднелся угол забора из сетки-рабицы, на котором висела белая табличка с надписью «Саша-тур». С другой стороны другая табличка гласила: «Дима-тур». Парни-гиды так сильно стремились угодить туристам в своей междоусобной борьбе за каждый лишний доллар, что даже имена свои перекраивали на русский манер. Сашу звали на самом деле Ашаном, а как на самом деле звали Диму, вообще никто не знал. Отправляясь сюда, Катя с Петей планировали брать лишь официальные экскурсии и не доверять свою жизнь кому попало. Но, сравнив заоблачные цены официалов с вполне разумными расценками так называемых бич-боев, «пляжных мальчиков», Петя изменил свое мнение. Это беспокоило Катю: в отличие от своего спутника в поездке на край света, она даже не пыталась разобраться, кто из этих двоих околачивающихся у берега Дима, кто Ашан, а кто Ануш. Она не собирается иметь с этими сомнительными типами никаких дел, но как же Петя этого не понимает?!

Пейзаж, однако, стремительно менялся. Вот на смену пьяненьким туристам, пытающимся покататься на волнах на арендованных досках для серфинга, пришла пожилая сингалка и разложила на песке разноцветные парео и платки. Она настойчиво предлагала Кате купить у нее что-нибудь, потрясаяще усердно улыбаясь, даже демонстрировала, как парит на ветру легкая полупрозрачная ткань. Но Катя не обращала на это внимания — несмотря на молодость, она повидала много стран, что вряд ли бы произошло, покупай она у всех что-нибудь из жалости. Из этого тряпья ей ничего не было нужно. Она не собиралась нарушать режим жесткой экономии.

Катя любила путешествовать — она просто жить без этого не могла. В детстве она много болела и была вынуждена безвылазно сидеть в одном городе наперекор своей природе. А когда повзрослела, стала наверстывать упущенное — не теряла ни одной возможности куда-нибудь съездить и посмотреть что-нибудь новенькое. Ее беспокойная душа находила успокоение лишь в движении, в дороге. А возвращаясь, Катя сразу же начинала чувствовать себя неудобно и планировать новый маршрут.

На Цейлон она приехала со своим парнем Петей. Катя понимала, в какую страну едет: туда, где змеи запросто ползают по улице,

вроде как у нас кошки бегают, а климат такой, что даже маленькая царапинка может привести к заражению. Но это ее не пугало и не отталкивало: ни опасности, ни экзотика, ни эксцентричность местных жителей. Она хорошо подготовилась, запаслась медикаментами и антисептиками и пообещала себе, что будет очень осторожна. Ну разве только покатается на слоне...

А когда вышла из автобуса и ступила на «благословенную землю» острова Шри-Ланка, ей словно крышу снесло. Это был другой мир, какого она раньше никогда не видела. Катя будто попала в индийский фильм, какие смотрела в детстве вместе с бабушкой. С той лишь разницей, что фильм показывали по телевизору, и при этом все рыдали, а здесь действие разворачивалось прямо за окнами трансферного микроавтобуса с кондиционером, без которого туристам в этой тропической бане было не обойтись. По узким ланкийским улочкам, как в кино, ходили смуглые женщины в разноцветных сари, с зонтиками от солнца. Как только начинался дождь, все они дружно свои зонтики захлопывали. И не только это — все здесь было наоборот, шиворот-навыворот! Даже движение было левосторонним. И слишком бешеным, чтобы быстро к этому привыкнуть и не сидеть все три часа пути от аэропорта до отеля как на иголках, каждую секунду рискуя распрощаться с жизнью. Некоторые здешние мужчины тоже были облачены в национальный наряд, напоминающий покрывало, обмотанное вокруг туловища наподобие юбки, — саронг. И это была привычная для них, обыденная реальность.

Но поскольку для Кати это был другой мир, она ему не доверяла. И настроилась на то, что это будет скорее борьба за выживание, чем отдых. Потому ее не на шутку встревожила открывшаяся вдруг взору картина, пришедшая на смену рынку на песке: Петя и еще два русских паренька из отеля, приехавшие вчера, о чем-то долго говорили с подошедшим к ним темнокожим парнем в синей футболке, длинных белых шортах и сланцах. Сингалец долго что-то объяснял, указывал пальцем то в одну, то в другую сторону. А потом Петя вдруг достал из кармана своих бело-сине-красных, под цвет российского флага, шорт деньги и начал отсчитывать купюры.

Катя возмущенно встала и направилась к группе из четырех мужчин. Она решительно шла по песку в своем открытом купальнике, верх которого был черным, а низ — розовым, по последней моде.

...Он ей сразу не понравился, несмотря на то, что не был щуплым и низкорослым, как большинство его соотечественников. Этот был высоким, крепким, широкоплечим. Но больше всего настораживала его физиономия — на шоколадном лице застыло словно бы надменное выражение, как у боксера-чемпиона, а глаза были почти черными и блестели, как у дикого зверя. На голове торчала густая щетка жестких волос.

Петя заметил приближающуюся Катю и двинулся ей навстречу, оставив своего нового знакомого, так и не заплатив ему.

— Ты представляешь, у него экскурсия в храм, куда мы с тобой собирались, стоит всего сорок баксов! За двоих! — радостно заявил он. — Завтра в пять утра выезжаем. К ужину уже назад вернемся. А?

— Петь, ну мы же договаривались, — стянув солнцезащитные очки, упрекнула его Катя.

— Да ладно, один раз живем! С официалами мы столько не посмотрим — они цены задирают в три раза.

Катя колебалась. Предложение было соблазнительным, но это шло вразрез с соображениями безопасности.

— А если кинет?

— Кто? Он?

Петя и Катя повернули головы и оценивающе посмотрели на бич-боя, который тоже взглянул на них. Кате показалось, что он недоволен ее появлением — мол, с мужиком пришел разговаривать, а тут девчонка какая-то палки в колеса вставляет. К женщинам на Шри-Ланке, похоже, относились постольку-поскольку: ну есть они — значит, есть, значит, пусть работают и детей рожают, но в мужские дела не вмешиваются.

— Говорят, все довольными остаются, — сообщил Петя.

— Он хоть по-русски разговаривает? — напряженно соображая о соблазнительности предложения, Катя закусилла нижнюю губу. Денег оставалось не так уж и много, а посмотреть хотелось все.

— Плохо. Но понять можно.

— Как его зовут? — снова бросив подозрительный взгляд на сингальца, спросила Катя.

Теперь ей показалось, что смуглян выглядит обиженно, будто даже губы надул, скрестив волосатые руки на груди в ожидании ее решения. На правом его запястье красовались большие круглые часы — «Командирские». Судя по всему, подарок какого-нибудь щедрого русского туриста.

— Это Ашан, — сказал Петя. — Но он говорит, что разрешает для удобства называть его Сашей. Это его вывеска «Саша-тур».

— А я думала, что Саша — это тот парень, который к нам вчера примазывался.

— А тот был, наверное, Дима, — предположил Петя. — Ну давай съездим с ним один разок: не понравится — больше не поедем, — уговаривал Петя.

Катя снова бросила на ожидающего Ашана недоверчивый взгляд.

— Ай, ладно, — сказала она наконец, махнув рукой. — Заплати ему уже, а то он, смотри, весь извелся.

Когда Петя расплатился, к Ашану подошла русская девочка лет четырнадцати со странным комплектом продуктов в руках: двумя шоколадками и бутылкой водки. Она отдыхала здесь с отцом и младшей сестрой. Принимая дары из ее рук, Ашан впервые за все это время улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми зубами, поблагодарил и побрел прочь по песку.

Катя проводила его подозрительным взглядом.

— Говорят, пару бутылок русской водки они тут выгодно меняют на продукты, которыми целую неделю может питаться большая семья, — сообщил Петя.

— Да кто это тебе все «говорит»? — возмутилась Катя.

— Ну я разговариваю тут со всеми, мне же интересно...

— И что, большая у него семья? — любопытство брало верх.

— Он сказал, что живет один. И его дом стоит десять тысяч долларов.

— Когда это он успел тебе рассказать?! — снова вспыхнула Катя. — Вы же и пять минут не разговаривали!

— Это он Кольке сказал, вон тому парню из нашего отеля. Они вчера вместе пили.

— Пили? — Катя с недоверием отнеслась к этому сообщению. Сама-то она в жизни бы не рискнула выпивать с малознакомыми людьми, тем более в чужой стране. Мало ли что там у этого сингалца на уме.

— Колян еще хвалился, что Ашан его крабов научил ловить, и они прямо у него дома их приготовили. Ты бы хотела половить крабов?

Первые две ночи в отеле Катя проспала как убитая — дорога, занявшая почти двое суток, была тяжелой. А на третью, перед этой тревожащей сердце экскурсией, не спалось. После полуночи в номере что-то зашуршало. Катя даже Петю попыталась разбудить, но он отмахнулся.

— Это, наверное, ящерка за зеркалом живет, — зевнув, предположил он. И погрузился обратно в свой сон.

Было душно, и Катя решила ненадолго открыть окно. Снаружи в комнату ворвались разные таинственные звуки — от шума океана до крика неведомых птиц и животных. Потом мимо их с Петей балкона прошел приехавший вчера из Украины хлопец — в плавках и с бутылкой виски, к горлышку которой он периодически прикладывался на ходу.

— Оксана! — заорал он. — Окса-а-ан!! — и скрылся за углом здания.

Снаружи было не так страшно, как внутри, в темноте, рядом с неведомыми обитателями номера — ящерицами и гигантскими тараканами. Но спать с открытым окном опять же не рекомендовалось — мало ли какая живность может впорхнуть или вползти.

Катя закрыла балкон и еще долго лежала, слушая тихое, размеренное похрапывание Петра. И друг с ужасом осознала, что в комнате присутствует еще какой-то звук... Тоскливый, равномерно повторяющийся, кажущийся сверхъестественным гул, граничащий со скрипом. Он то нарастал, то стихал, а потом начал повторяться все чаще и чаще. Катя перевернулась на спину, и внутри у нее все похолодело. Огромный, в полкомнаты размером вентилятор, подвешенный под потолком над их кроватью, покачиваясь, вращал свои устрашающие черные лопасти в жуткой мутной темноте. Но самое страшное заключалось в том, что он крутился все быстрее и раскачивался все сильнее.

Катя схватила Петю за плечо и начала отчаянно его тормошить.

— Ну чего тебе?

— Смотри! Смотри! Вентилятор!

— Где? — Петя продрал глаза и наконец врубился. — И правда вентилятор. А зачем ты его включила?

— Я его не включала! Он сам начал вращаться, как сумасшедший!

— Нас сейчас сдует — надо его остановить...

Петя включил свет и, щурясь, начал рассматривать выключатели на стене со своей стороны кровати. Один из них выглядел необычно — он не нажимался, а крутился.

— Наверное, вот этот, — решил Петя, крутанув его. И вентилятор начал вращаться еще быстрее.

Катя закричала, отпрыгнув к двери:

— Он сейчас нас на салат порубит!

Наконец, повращав кружок в обратном направлении, Пете удалось остановить движение.

— Чертовщина какая-то, — сказала Катя.

— Да ладно тебе — сквозняком его расшатало, он и закрутился. Такое бывает. Ложись спать, вставать рано.

— Авдуг он опять завертится? — не унималась она и собралась в комок, прижимаясь к Петину плечу.

Но Петя уже снова спал.

Катя ненавидела рано вставать. Подняться в пять утра для нее было равносильно попытке. Но ведь не для того она приехала сюда через пол земного шара, чтобы просто валяться на пляже! Наскоро умывшись, побросала в рюкзак все самое необходимое для поездки — очки, кепку, крем от загара и бутылку воды. Накинула на плечо сумку с фотокамерой и вышла вслед за Петей из номера.

Утро было ясным. Раннее солнце еще не припекало. Ашан уже стоял у ворот отеля рядом с комфортабельным микроавтобусом.

— Привет! — сказал он подошедшим и улыбнулся. — Как настроэниэ?

— Твой личный автобус? — спросила мрачная, невыспавшаяся Катя, проигнорировав его вопрос.

— Арэнда, — объяснил Ашан, открывая ей дверь и тоже насупившись. Когда он прекращал улыбаться, его лицо автоматически приобретало такое выражение, что кирпича просило.

Забираясь внутрь, Катя наклонилась и, обернувшись, заметила, что Ашан, пользуясь тем, что она не видит, бесцеремонно разглядывает ее сзади. Джинсовые шорты ей, бесспорно, шли, подчеркивая стройность ног. Но Ашан тут же невозмутимо отвел взгляд и начал разговаривать с подошедшим работником отеля. Только сейчас Катя поняла, почему с особым недоверием относилась к этому сингалцу — в отличие от тех остальных, что бессовестно рассматривали ее прелести, он был более сдержан. Он был умнее и хитрей, что называется, себе на уме. Судя по всему, он очень гордился тем, что его бизнес шел лучше, чем у конкурентов.

Минут через двадцать после отъезда Катю стало тошнить. Укачало. Пока Ашан попутно болтал о местных достопримечательностях, сидя рядом с водителем и неустанно оглядываясь в салон на туристов, ей становилось все хуже и хуже. Петя заметил, что она позеленела, и забеспокоился: не нужно ли остановиться? Она покачала головой, но тошнота не отпускала. Как вдруг Ашан, который словно и не замечал ее состояния, обернулся к Пете и спросил, указав пальцем на Катю:

— Плохо? Пять минут! — растопырив пятерню, пообещал он. — Будет туалет.

И он быстро заговорил с водителем по-сингалски, показывая, куда свернуть.

Когда Катя ушла, он поинтересовался у Пети:

— Она бэрэменна?

Петя поперхнулся:

— Да вроде нет...

— Катья тозе пить арак? — удивился тогда Ашан.

— Вообще-то она не пьет. Просто ее в автобусах укачивает, — объяснил Петя.

— А... — с пониманием кивнул сингалец. — Скажи ей, здес у нас надо пить арак — иначе будет это... понос, — посоветовал Ашан. — У вас, русских, слабые зылудки.

В туалете Катю вывернуло. Но сразу стало легче. К автобусу она вернулась уже в благостном расположении духа.

— Сейчас мы ехац рэка Бэнтота. Плавац дзунгли! — сообщил Ашан, когда они доехали до речного причала.

— То есть как это «плавать дзунгли»? — переспросил Рустам, парень из соседнего номера, приехавший вчера утром. — А как же храм?

— Ну это тозе — Асан все успевац! Это подарок!

С этими словами он прыгнул первым в обшарпанную лодку с моторчиком и подал руку Кате. Она осторожно переступила на качающуюся поверхность и разместилась на скамеечке вдоль борта, пока Ашан помогал забраться в лодку остальным туристам. Их было немного — не считая Пети, Коли и Рустама, еще семья из трех человек из другого отеля и одиноко путешествующий холостяк дядя Миша. Этот вообще непонятно откуда взялся, вошел в автобус во время одной из остановок и сразу же начал рассказывать о других странах, где ему довелось побывать, сравнивал, как было на Шри-Ланке пять лет назад, когда он был здесь в первый раз, с тем, как оно сейчас.

— Движение тут, конечно, ужасное, как во всех южных странах, но когда я в прошлый раз приезжал, было во много раз хуже, — в том числе утверждал он. Хотя его никто ни о чем не спрашивал. Но ему явно очень хотелось поговорить, как и подобает одинокому путешественнику.

Тем временем рулевой отчалил от берега по направлению к устью, где река впадала в океан. По обе стороны от русла стеной стояли тропические заросли. Ветви причудливых деревьев свисали и уходили прямо в воду, а сверху их переплетения образовывали почти непроглядный свод. В зарослях, однако, были извилистые проходы, по которым без труда могла проплыть лодка. Имелись даже указатели на сингальском языке — вероятно, чтобы лодочникам не заблудиться. Перед въездом в «джунгли» Ашан демонстративно пересел на корму к рулевому и сказал:

— Тут зывает анаконда. Я бояца!

Туристы в его слова не то чтобы не поверили, но, тем не менее, бесстрашно ринулись к бортам рассматривать окружающую природу, щелкали затворами фотоаппаратов. Катя тоже влезла на нос лодки и начала позировать Пете на камеру. Речная прохлада освежала, бодрила.

Поплавав в зарослях минут двадцать, они выбрались на солнышко. Стало уже совсем жарко. Вдруг Ашан ловко прыгнул на нос рядом с Катей и, поднявшись во весь рост, потянулся за большим овальным фруктом, висящим на ветке. Потом он сорвал еще один такой же фрукт и объяснил:

— Дзэкфрут. Хлебный дерево. Моя мама готовит — очэн вкусна.

Катя недовольно шурилась от солнца, возмущенная тем, что Ашан так бесцеремонно машет своей пятой точкой перед ее лицом, словно какая-то макака. Впрочем, она была не брезглива и не слишком чопорна, чтобы расстраиваться по этому поводу. Наконец он спрыгнул с носа и скомандовал возвращаться к причалу.

— Смотрите: колибри! — закричал Петя, схватив фотоаппарат.

Но редкая птичка мгновенно скрылась в зарослях — ее никому не удалось сфотографировать.

— Это болсая редкость дазэ увидеть, — объяснил Ашан. — Раз в зызни!

— Авон крокодилчик плывет! Смотрите, смотрите! — заметил Рустам.

— А это кто там у рельсов? Варан, что ли? — спросил Коля, указывая на застывшую фигуру ящера на насыпи у железной дороги, тянущейся теперь вдоль берега справа.

— Куда это он собрался? У него есть билет на поезд? — пошутил Петя.

Все рассмеялись.

В завершение этого необычайного для Кати приключения ее снова начало мутить — укачало в лодке. Но одновременно она чувствовала и необыкновенную легкость и силу, которая всегда появлялась у нее близ воды. Мутные речные волны били о борта лодки и гулко булькали под днищем, напоминая о непреходящем, о великом и неподвластном пониманию смысле существования. И о том, что такое действительно бывает «раз в зызни». Подумать только — увидеть настоящую колибри! Пока туристы суетились, обсуждая варанов и «летающих собак», висящих вниз головой на ветвях, Катя сидела тихо и думала о вечном. Кроме нее во всеобщей суматохе молчал лишь Ашан, в позе Будды усевшийся на носу лицом к своим туристам. Поймав на себе его пронзительно-черный взгляд, Катя впервые за все время обратилась к нему с просьбой:

— Ашан, я хочу купить сари.

— Хоросо, — сказал он, кивнув. — Сегодня заехац магазин.

— На фига тебе сари? Ты что его, носить будешь? — поинтересовался сидящий рядом Коля, веселый парень без царя в голове, вечно пьющий, но никогда не пьянеющий. И, не дождавшись ответа, обратился к бич-бою: — Слышь, Ашан, когда мы ужо приплывем? Припекает!

— Нормално! Десят минут! — ответил Ашан, растопырив две пятерни, словно отмахнувшись. Его ладони были светлее тыльных сторон кистей.

— Ашан, ты обещал еще свозить на рынок за фруктами, — напомнил Рустам, который, похоже, собирался перепробовать на Шри-Ланке все яства и все удовольствия, исключая лишь спиртное, которое он по религиозным убеждениям совсем не употреблял. Зато курил чрезвычайно много — в день по две пачки сигарет.

— Эт-то ми сегодня останавливаца возлэ рынок, — ответил Ашан. — Пробовать дуриан. Как это у вас говорит? Вону-учий!

Туристы рассмеялись.

— Сутка, — добавил Ашан. — Дуриан сейтяс не сезон.

— Жалко, — расстроился Рустам. — А я так мечтал домой привезти.

— За дурианами в Тайланд ехать надо, — опять вставил слово дядя Миша. — Там они дешевле намного. Только в самолет тебя с ним все равно не пустят.

— Почему? — спросил Рустам.

— Вону-учий! — вставил Коля, и все опять рассмеялись.

По пути в храм Ашан попросил водителя притормозить у одной из придорожных лавочек с развалом неведомых фруктов — рамбутанов, мангустин, саподилл. Впрочем, среди них были и всем известные арбузы, бананы, ананасы, апельсины и даже яблоки.

— Яблоки тозэ у нас растут, но мало, — заметив, куда смотрит Катя, сказал Ашан.

Потом достал пакет, щедро набросал туда разных фруктов и, расплатившись, протянул их ребятам, стоявшим вместе:

— Я угощаю!

«Щедрый какой», — с недоверием подумала Катя. И осторожно попробовала только кусочек сердцевинки рамбутана — фрукты грязные, мало ли что...

А Рустам наелся немытых плодов от души — похоже, желудок у него был луженый, поноса с ним так и не случилось за все его двухнедельное пребывание на Шри-Ланке.

— А ты почему ничего не ешь? — спросил Рустам Катю.

— Не хочу, — сказала она.

— Да ладно, они же в кожуре! — сунул руку в общий пакет дядя Миша, хоть его никто и не угощал. — А вы знаете, что самые вкусные арбузы, между прочим, в Марокко в начале декабря. Вот когда нужно ехать в Марокко — не пожалеете!

— А где это, Марокко? — спросил Коля, выедавая мангустин.

Катя покосилась на него, изо всех сил стараясь скрыть свое презрение подобному невежеству. Уж она-то географию знала очень хорошо и вообще не понимала, как можно не знать, где находится Марокко. Но говорить ничего не стала.

— А ты хоть можешь на карте показать, где ты сейчас находишься? — словно прочитав ее мысли, пошутил над Колей Рустам.

— Я нахожусь на Цейлоне! — гордо заявил Коля.

— Да нету уже такой страны!

— Страны нет, а остров остался, — нашелся Коля.

На подъезде к храму Ашан попросил водителя остановить автобус у магазинчика и обернулся к Кате.

— Посли, — позвал он. — Покупац сари.

Отодвинул дверь и подал руку Кате, сидевшей у самой двери, а заодно, подумав, и Пете, сидевшему рядом. А остальным оставил право выбирать самостоятельно.

В магазин пошли все — было любопытно, как будет происходить примерка. Среди вешалок с вполне европейскими платьями и футболками располагались полки с аккуратно сложенными кусками ткани всевозможных расцветок — как в магазине текстиля. Это и были сари, наматывающиеся поверх короткого топика с открытой

спиной. Катя выбрала для примерки два — красное и зеленое. То есть примеряла не она, а на нее — две девушки, работающие в магазине, потому что сама Катя в жизни бы не разобралась, как это надевать. То есть наматывать. Одна из девушек, несмотря на молодость, была просто необычных размеров — как многие ланкийки. Вторую можно было бы назвать стройной, но лицо у нее было, как сказал бы Петя, на любителя.

— Ашан, спроси, как они в этом посуду моют? — смеясь, попросила Катя.

Переведа и получив ответ, Ашан сообщил:

— Они класц тарелка посудомоечная масына.

— Не так уж бедно, знать, живут! — заметил Коля, который ходил по «бутику», все разглядывал и трогал, но ничего не собирался покупать.

— Некоторые в городах зывут хоросо, — объяснил Ашан. — Но моя мама стирать руками. И я сам тозе стирать руками. Девуски Коломбо носят дзынсы. Но мне нравится сари. Это нас национальный наряд. Оцень красиво, — добавил он, глядя на Катю в сари.

— К этому прилагается инструкция? — пошутила Катя, когда обряд одевания был завершен.

Но шутку восприняли всерьез, и Кате выдали самую настоящую инструкцию на английском языке, содержащую два варианта «обертывания» сари — ланкийский и классический индийский.

— Аюбован! — сложив руки, как в молитве, поклонилась девушкам Катя.

Они ответили ей так же учтиво.

На пороге храма Ашан сообщил, что надо снять обувь, показав нечто вроде гардероба с ячейками для сланцев. А потом перепоручил свою группу встретившему их на пороге гиду по имени Маду, вполне сносно говорящему на русском. Как и другие ланкийцы, Маду сразу же принялся обхаживать Катю, чуть меньше внимания уделяя второй женщине, постарше, приехавшей с группой вместе с мужем и десятилетним сыном.

Внезапно перед Катей возник ланкиец в «юбке». Он держал на ладонях зеленый, похожий на вырезанный из молодого кочана капусты цветок. И предложил купить. Это был, как оказалось, лотос.

— Зачем в храм несут цветы? — спросила у Маду шедшая в самом начале туристической процессии Катя, заметив, что все покупают лотосы. Вроде как христиане покупают при входе в храм свечки, чтобы поставить их перед образами.

— Они символизируют красоту жизни, которая увянет, — ответил Маду. — Люди рождаются, расцветают, страдают и умирают. Как цветы. Будда достиг понимания бессмысленности бесконечной череды смертей и рождений, прервал ее, достиг просветления.

— Разве хорошо будет, если цветы перестанут рождаться и однажды красоты не станет совсем?

На это убежденный буддист Маду искренне рассмеялся, товарищески похлопав Катю по плечу:

— Религия учит, как это сделать. Но очень редко при рождении получается человеческая сущность: чаще рождается растение или животное. Однако только человеку дано прервать этот круг, — Маду

указал на круги над головой статуи Будды и на венчавший их устремленный вверх конусообразный наконечник, обозначающий, надо полагать, отход в нирвану. — А среди людей буддой становятся не чаще, чем раз в четыре тысячи лет.

— А чтобы достичь нирваны, обязательно быть бездетным? — спросила Маду Катя.

На это он снова рассмеялся — ее вопросы его умиляли.

— Ты что, подумываешь стать буддой? — похлопал он ее по плечу снова. — У принца Гаутамы были дети, и это не помешало ему стать богом.

— Ты стоишь на нирване, — заметил между делом Маду Пете, ставшему босыми ногами на изображение круга на каменном полу у крыльца, ведущего в храм. И начал рассказывать о символике, обрядах, легендах и священных буддистских праздниках.

— Где ты научился так хорошо говорить по-русски? — снова перебила Катя. Ее интересовало все на свете.

— Я учился в Москве. Ашан — не учился в Москве, он учил русский язык на пляже, — добавил Маду.

...До Пети у Катерины было несколько романов. Она не обременяла себя напрасными, на ее взгляд, жертвами — никогда не доверялась целиком и полностью одному человеку, никому не верила и себя не утруждала верностью. Ревность, зависть, обиды она справедливо считала опустошающими душу чувствами, обессиливающими и обескровливающими. А потому никто никогда не знал, чего от нее ожидать. Катя и сама, просыпаясь утром, не могла бы сказать наверняка, где окажется вечером. Так было легче. После одних незадавшихся серьезных отношений в самом-самом начале Катя решила брать от жизни все. И у нее это долгое время получалось, несмотря на то, что однажды все могло плохо закончиться.

А потом она встретила Петю. Это чувство было ново для нее — ей вдруг захотелось не всепоглощающей страсти и не всецелого обладания сердцем одного мужчины, нет, ей захотелось уюта, тепла, тихой семейной жизни до седой старости. То есть Катя, конечно, не собиралась в ближайшее время выходить замуж и сразу же обзаводиться детьми. Но подсознательно ее впервые в жизни стало тянуть на ранее чуждые ей поступки: например, встретив Петю, она вдруг неожиданно для себя полюбила готовить. Но пока этого было недостаточно, чтобы перешагнуть через себя, через однажды принятое решение быть свободной и независимой, чтобы решиться связать свою жизнь с чьей бы то ни было. И чтобы отказаться от путешествий. В глубине души Катя даже надеялась как-нибудь совершить кругосветку. Однако нельзя же делать бесконечное передвижение конечной точкой своего существования — когда-то придет пора и остепениться. А тут, оказывается, некоторые народы считают жизнь «бессмысленной чередой смертей и рождений»!.. При этом большинство семей у ланкийцев многодетные.

Такие вот нелегкие размышления нахлынули на Катю, когда она шла босиком рядом с Маду по каменным плитам буддистского храма, в сари, которое все время неестественно топорщилось у нее на животе — носить это одеяние было не очень-то удобно, то и дело

приходилось поправлять. Она наблюдала, как ланкийские женщины опускают на холодные плиты едва научившихся ползать темнокожих младенцев, огромными любопытными глазами смотрящих и на изваяния Будды, и на нее, белую женщину. Один малыш даже испугался ее и, как обезьянка на пальму, вмиг вскарабкался на мать.

— А что если они детей здесь здесь нами, туристами, пугают, как мы своих в России «бабайками»? — предположила Катя.

— Вполне возможно, а что? — согласился Петя.

Внезапно раздался выстрел. И мимо туристов по зале пробежала стая обезьян. У некоторых из них под животом висели цепкие детеныши. Катя вздрогнула.

— Не бойся — это не для людей, это для обезьян, — объяснил Маду, снова тронув ее за плечо. — Они воруют в храме. А выстрелы их отпугивают.

Потом он снова обернулся на Катю, окинул ее неудовлетворенным взглядом и, протянув к ней руки, бесцеремонно поправил и одернул ее сари. Катя виновато и смущенно улыбнулась ему в знак благодарности. А Маду расплылся в счастливой улыбке.

Время экскурсии вышло, но Кате не хотелось уходить. Хотелось сесть рядом с буддистами на пол и надолго задуматься о своем. Так она и сделала.

Из храма Катя уходила обновленной, одухотворенной, удивительно умиротворенной. Ей как будто открылась великая истина — намного шире приоткрылась та самая завеса, что лишь изредка приоткрывалась в ее жизни. Нет, не о том, что у нее есть возможность стать буддой, думала Катя. Она представила, как много возможностей вообще дано человеку. Особенно человеку, свободному и умеющему держать в узде свои чувства и мысли. Она могла даже создать новую жизнь — родить ребенка. А могла поселиться в одиночестве и завести пса. Могла еще раз приехать сюда — стоит только захотеть! Могла улыбнуться проходящему мимо... Индус ответил обожающим взглядом. Жизнь можно было любить за многообразие ее решений, за красоту, которая живет сейчас, а завтра умрет. Нирвана — это всего лишь рай. А жизнь, многоликая, полная радости и боли, потрясающе насыщенная, казалась теперь такой прекрасной.

«С таким жизнелюбием мне никогда не достичь нирваны», — призналась сама себе Катя. И встретилась взглядом с Ашаном.

— Понравилось? — ревниво спросил он, ожидавший у ячеек с обувью, увидев ее довольное лицо. И подал Кате ее запыленные сланцы.

— Очень, — призналась Катя и впервые ему улыбнулась, принимая свою обувь из его коричнево-черных рук. На мгновение их руки соприкоснулись. И ей показалось, что Ашан будто бы нарочно затянул это прикосновение. А может быть, просто показалось. У сингальцев вообще была манера затягивать рукопожатия.

Путь назад скоротали за разговорами. Ашан охотно отвечал на вопросы, много рассказывал о себе. Теперь Катю интересовало многое — она не успевала озвучивать свои мысли, чтобы успеть спросить как можно больше. Вот сейчас Петя узнавал ее, свою любопытную Катюшу, сующую нос везде, куда надо и не надо.

«Оклемаюсь», — подумал он.

— У нас запресается курить за рулем, — рассказывал Ашан, выбросив бычок под колеса автомобиля. — Москитос! — добавил он, забравшись на переднее сиденье и указав черным пальцем со светлыми ногтям на стоящих в отдалении местных «гаишников».

Катя с Петей переглянулись, а потом засмеялись.

— Это они так дорожную полицию здесь называют? — подавшись вперед, уточнил Коля.

— Ага. А у нас, наоборот, запрещено курить в общественных местах, — сказала Катя.

— А полицейских у нас некоторые обидно называют «бобрами»! — пошутил Коля.

— Бобры? — удивился Ашан. — Бобер? — еще раз переспросил он в единственном числе.

— Ага.

— В сингальский слово «бобер» переводится «лена». Лена — это «бобер»!

— Поняла? Ты — бобер, — обратился семейный турист к своей жене.

Та ответила ему красноречиво-гневным взглядом.

Ашан снова оглянулся на Катю. Возникла пауза, когда он что-то еще хотел сказать, но не вспомнил нужных русских слов и запнулся. Тогда, чтобы разрядить обстановку, он широко улыбнулся. И когда она слабо улыбнулась в ответ и ему пора было бы уже отвернуться, он не сразу отвел взгляд. Контакт глазами продлился на несколько мгновений дольше необходимого. А потом, внезапно застеснявшись, Ашан забарабанил пальцами по пластиковому подлокотнику и, наконец, обратился лицом к несущейся навстречу дороге. Петя беспокойно заерзал и отвернулся к окну.

Все некоторое время сидели молча. Потом Ашан заговорил вновь.

— Это платное сосэ. Соссэ, — попытался выговорить он.

— Шоссе! — помог ему Коля.

— Да. Стобы сократить дорога, и ви успеть к узуну.

— Спасибо! Ты такой добрый, Ашан, — снова приложившись к пиву, в шутку растрогался Коля.

Ашан снова обернулся, кинув на парня неопределенный взгляд. И продолжал:

— Теперь хоросо, когда оно есц. Раньсэ добираться пять часов! Пять! — он снова растопырил пятерню. — А теперь всего два.

И он, посмотрев на свои темные пальцы, три из них загнул. Снова улыбнулся Кате и отвернулся. А потом закинул руку за голову и, глядя на дорогу, начал усердно чесать затылок. Быстро на сингальском заговорил с водителем и попросил включить музыку.

Когда приехали, Ашан пожал Пете руку и неожиданно предложил:

— Ты будес сегодня вечером пить со мной арак?

Экзотические обстоятельства всего окружающего так манили, что Петя согласился не раздумывая. Тем более что на днях их сосед по номеру Коля вот так вот запросто ходил в гости к Ашану, и ничего с ним не сделалось.

— Я угоссаю, — добавил Ашан.

— Ашан, а меня не угоссал! — упрекнул его Коля. — Усе за мой ссет было!

— И тебя сегодня угоссаю, — сказал Ашан без тени улыбки. Он снова смотрел зверем, будто разговаривать был намерен лишь по существу.

— Какая тебе выгода нас угоссять? — спросил Коля.

— Я хоросо заработал на вас сегодня, — честно признался Ашан. — Теперь отдыхать. Как эта?.. Обсяца.

— Общаться.

— Вот!

— А можно мы придем вчетвером, с Рустамом? — предложила Катя, опять же думая о безопасности. Ведь татарин Рустам по религиозным убеждениям спиртного не употреблял вообще — хорошо бы иметь в запасе трезвую голову.

— Конесно! — согласился Ашан. — приходите тетыре... вте...

— Вчетвером, — помог ему выговорить Коля.

— Втетвером! — выговорил Ашан и белозубо улыбнулся. И взгляд его загорелся первобытным огнем.

Ночь в отеле была душной. Петя и Катя спали с включенным кондиционером, но от его сухого холода только еще сильнее хотелось пить. Проснувшись от оглушающего чувства жажды, Катя потянулась за бутылкой, но оказалось, вода кончилась. Предусмотрительная Катя, запасшаяся бутилированной водичкой с вечера, встала за второй, стоявшей на тумбе перед зеркалом. Наощупь откупорив новую бутылку, она припала к горлышку и сразу же все выплюнула на пол.

— Петя! — с омерзением позвала она.

— Ну что еще? — проурчал, как растревоженный медведь, Петя.

— Петь, вода тухлая!

— Чего?

— Вода тухлая!!!

— Какая вода?

— В бутылке. Из магазина!

— Не может быть, — не поверил Петя.

— На, сам попробуй, — Катя протянула ему бутылку.

Петя поднялся на локте, отхлебнул и побежал в ванную выплевывать.

— Блин, правда тухлая, — согласился он, вернувшись и отплевываясь. — Они что тут, совсем офигели? Тухлятину в бутылки закатывают...

— Пить хочу, — канючила Катя до утра в темноте.

— Попей из кувшина — они же специально питьевую приносят.

— А вдруг она из-под крана? Пить хочу...

Она просто умирала от жажды. Поэтому уснуть все никак не удавалось. В голове все крутились события прошедшего вечера...

— Что ему надо? Зачем это он нас угощать вздумал? — мучилась сомнениями Катя.

— Восточное гостеприимство, — предположил Петя. — Не бойся, он нас не отравит — у них это не принято.

— Отравить не отравит, а напоить напоит.

— Да он же тут работает — если с нами что случится, на него первого подозрение падет.

— Думаешь, ему на это не наплевать? Потом ничего не докажешь. Помнишь, в Египте у нас деньги стырили из номера?

— То из номера — там сейфа не было.

Катя сама не понимала, зачем это делала, но она шла в гости к Ашану вместе со всеми. Но когда это она отказывалась от приключений! Впрочем, да, было дело — и, надо сказать, до сих пор она жалела об этом...

У железнодорожных путей сидел сингалец под зонтиком, поставив босые ноги на рельсы. Когда Петя за руку с Катей собрались пересечь переезд, он вдруг резко замахал им руками и лениво убрал пятки с путей. Через минуту по путям прошел состав.

— Вот это у них техника предупреждения о приближающемся составе! — подивился Коля, шедший чуть позади вместе с Рустамом.

— А если заснет? — предположила Катя.

— Паровоз посигналит — он и проснется, — предположил Петя. — Ноги ему точно не отрежет. Ты в детстве когда-нибудь стояла на рельсах за пару минут до поезда? Знаешь, какая вибрация!

— Да что ты говоришь?! Ты спроси меня еще, сколько раз нужно поезду по болтику проехать, чтобы из него заточка получилась, — съязвила Катя.

— Что, правда? — удивился Рустам.

— Я тоже так делал, когда пацаном был! — подхватил Коля.

Наконец, ребята подошли к назначенному месту и остановились у сувенирного магазинчика. Ашана еще не было.

— Он что, забыл про нас? — возмутился Коля. И, достав телефон, стал набирать его номер.

— Эй, Ашан! Ты где? Мы уже пришли! Ага. Ладно. Холосо, говорю! Ждем тебя! Он уже на подходе, — сообщил Коля, положив телефон в карман.

— А откуда у тебя его номер? — спросила Катя.

— Я его в Интернете нашел, когда сюда собирался. Там про всех этих бич-боев написаны разные отзывы. Я позвонил, сообщил, что собираюсь приехать, спросил, что тут к чему...

— То есть он тебя ждал?

— Ну не то чтобы ждал, просто рассказал про экскурсии, сколько у него чего стоит и так далее.

— А почему ты позвонил именно ему?

— Про него неплохие отзывы на сайте были. И вообще, понравился мне этот парняга — и по отзывам, и чисто внешне, по фоткам. По крайней мере, по сравнению с остальными выглядит приличнее. Надежнее, что ли.

Катя усмехнулась, вспоминая топорное лицо Ашана.

В этот момент он появился из-за угла собственной персоной в сопровождении еще одного сингальца — как он его представил, друга. Вшестером они прошли через бедный сингальский квартал, прямо сквозь дворы с деревянными оградами, у которых валялись груды мусора и кокосовых скорлупок. За ними, клянча конфетку, бежали дети с криками то ли «бамбук!», то ли «бон-бон!» и бедные ланкийские женщины с младенцами на руках. Ашан что-то крикнул

им, и они отстали. А Катя отстреливалась от попрошаек своим фотоаппаратом — когда еще такое увидишь и заснимешь?

Но вместо того, чтобы повести гостей к себе домой, сингалец свернул к большому ресторану.

— Ашан, ты же приглашал нас домой! — заметил Коля.

— Моя мама не успела готовиц сегодня, — объяснил Ашан. — Луцэ ресторан — я угоссаю.

— Да ладно, мы сами за себя заплатим, — возразил Петя.

— Как хотис, тогда я угоссаю только арак. А тебя — кола, — об-
ратился он, тыкнув пальцем в Рустама. — Я помню, ты не пьес.

Ночь спускалась на сказочный остров Цейлон. Это был самый большой ресторан в городке, самый дорогой. Но у Ашана тут, по-видимому, были должники, поэтому он по-барски велел официанту вынести столик под открытое небо, на зеленый газон. Арак достал из пакета, который принес с собой. И долго, вдумчиво делал заказ.

— Катья, ты хотес сладости? — спросил он.

— Я не ем сладкое, — ответила она.

— Как? У тебя тозэ сахарний диабет?

— Слава богу, нет! — усмехнулась Катя. — Что значит «тоже»?

— Раньсэ я был толстый, — принялся рассказывать Ашан, показывая руками, какой он был. — Я много ел сладкое. Много сахар, фрукти, конфеты. А потом у меня стал диабет. И теперь я не есц сладкое. Теперь я опять много ем масо, — он положил руку на свой живот, не то чтобы большой, но старательно выпученный, и с удовольствием его погладил. — Но теперь я занимаца спорт. У меня есц команда крикет. Про нас писать местные газета, вот... — он снова полез в свой пакет и достал оттуда свежий номер, в котором была заметка с фотографией, на которой Ашан, вид сзади, замахивается битой на летящий прямо на него мяч.

— Ты это специально взял нам показац? — спросил Коля, выхватывая у него из рук газету.

— Мм? — Ашан не понял, о чем его спросили. Но переспрашивать не стал, продолжив рассказывать о своей крикетной команде. Похоже, он отлично понимал, когда над ним подшучивали, а когда откровенно смеялись над его акцентом, но не обращал на это внимания — точнее, относился к этому беззлобно, с определенной долей юмора. Он присматривался к русским, старался их лучше понять, научиться у них.

Выпили. Потом еще. Рустаму принесли колу. А потом товарищ Ашана, так и не представившийся, вдруг начал расспрашивать татарица по-английски, женат ли он. И узнав, что тот еще не женат, стал предлагать ему в жены свою старшую дочь.

— Посмотри ее, — настаивал он. — Она просто красавица!

— Ох, нет-нет-нет! — запротестовал Рустам.

— Почему? Ты не веришь? Ты же ее не видел! Хочешь, я приведу ее прямо сейчас? Она красивая!

— Ни в коем случае не хочу тебя обидеть, друг, но она буддистка, а я женюсь только на мусульманке и только на москвичке, — нашел единственно веский в данной ситуации аргумент Рустам.

В этот момент что-то мягкое и пушистое стало ластиться к ногам Кати. Она посмотрела вниз и спустя несколько мгновений подняла

Фото: tourdream.net

самозабвенно тершуся о ее щиколотки и икры серую кошку к себе на колени.

— Катя, нет! — неожиданно громко воскликнул Ашан. И в его глазах все сидящие за столом прочитали испуг.

— Почему?

— Нэ надо!

Он проследил глазами, как Катя опускает животное на траву, точно она не кошку ставила, а бомбу, которая взорвется от малейшего толчка. Или ядовитую змею. Потом показал шрам на своем указательном пальце:

— Я знаю, что ты любишь и у тебя дома есть, но у нас кошки совсем другой, — сказал он. — Когда меня укусила кошка за палец, я месяц лежал в больнице. У нас они грязный, беснущий. Пойдем мыть руки! — позвал он.

Чтобы попасть в туалет, нужно было пройти через длинную веранду со столиками. Посетителей было не так много, но за одним из столов сидела группа ланкийцев, горящими глазами наблюдавшими за белой женщиной, идущей мимо. Ашан пропустил Катю в дверь уборной, а сам встал «на стреме». Сидящие за столом о чем-то спросили его и засмеялись. Катя услышала, как Ашан огрызнулся, не поддержав шутки. Она поняла это по интонации.

...Утро, наконец, наступило. Но горячий чай в ресторане не утолил жажду. А в баре проходила как раз пересменка, и он все никак не открывался — ни в одиннадцать, ни в половине двенадцатого. Наконец, напившись минералки, Катя тяжело нырнула в бассейн с морской водой. О, как же теперь было хорошо, после ночной жажды!

Она пробыла в бассейне, наверное, минут двадцать. Лежала на воде, как на перине, не утруждая себя движениями. А перед глазами то и дело вставали лица и руки чернокожих мужчин — ох и насмотрелась же она на них вчера! Эти шоколадно-черные обжигающие взгляды, светлые ладошки, быстрый непонятный разговор на неведомом языке. И среди них — один горящий черным пламенем пронзительный взгляд Ашана и его необычный незабываемый акцент: «Пять минут!», «Очень хорошо!», «Нормално»...

Был момент, когда Кате казалось, что они живыми оттуда не уйдут. Но это было минутное проявление малодушия — все прошло без эксцессов.

Нырнув с головой и вынырнув в другом конце бассейна, Катя вытерла лицо ладонями и, открыв глаза, увидела вдалеке, за забором, одиноко прислонившуюся к пальме, растущей на берегу океана, фигуру Ашана. Было необычно видеть сингальца в столь ранний час на берегу. Он помахал рукой Пете и Коле, и они пошли к нему по мощеной камнем дорожке.

Парни долго и оживленно беседовали и расходиться будто не собирались. Из любопытства Катя вылезла из бассейна и, наспех вытершись, пошла к ним.

Чуть в стороне, еле заметно кивнув в знак приветствия Ашану, она ступила по щиколотку в воду. Накатывая, волна захлестнула ее ноги чуть ниже колен, и в момент отката Катя почувствовала, будто даже так, почти не касаясь ее тела, океанская чаша тянет ее в свою древнюю бездну. Индийский океан имел потрясающую магнетическую силу — он брал за душу и уже не отпускал. Это вам не какое-нибудь там Средиземное море. С большим трудом, едва не сделав еще один шаг вперед по инерции, за откатывающейся пенной волной, усилием воли Катя отступила. И это было очень сложно — просто выйти из воды.

«Вода — магнит», — подумала она со смутным чувством ужаса в душе, обещая себе больше не входить в океан.

Обернувшись, она увидела Петю, беседующего с Ашаном. Коля стоял в стороне и снимал на видео краба, то высывающегося из своей норки, то прячущегося обратно.

— Я хочу купить болт, — говорил Петя, показывая на палец. Почему-то — на мизинец. Болт! Перстень! Понимаешь? И Катюхе что-нибудь.

— У меня есть тук-тук, — предложил Ашан, посмотрев на ее спину. — Я вас отвезу.

Потом достал мобильный телефон и, делая вид, будто ищет чей-то номер, тайком сфотографировал Катю сзади — полагая, что Петя не замечает. Но Петя заметил. И как бы невзначай сказал:

— Убью.

Ашан накуксился и убрал телефон, делая вид, что он просто убрал телефон. Продолжения разговора не последовало бы, если бы ничего не понявший Коля не спросил:

— В каком смысле?..

— На мою девушку тут, на Шри-Ланке, все шеи сворачивают, — громко объяснил Петя Коле, рассчитывая, что его услышит и Ашан. — Так бы и убил.

Коля многозначительно промолчал.

Через сорок минут, как условились, к воротам отеля подъехала зеленая моторикша — крытый мопед с двумя пассажирскими местами сзади. Впрочем, туда влезли все трое — Петя, Катя и Коля. Ашан взгромоздился за руль. Одна фара у тук-тука была разбита, передок помят. Что было совсем не удивительно при господствующей на Шри-Ланке культуре вождения.

До магазина было около десяти минут езды. И эти десять минут Ашан ехал необычайно аккуратно, что было не свойственно ланкийским водителям.

— Это казэца, сто быстро, — оправдывался он. — Просто громко тарыхтеть.

— А какой ты хочешь перстень? — спрашивал Коля.

— Болт с сапфиром. И Катьке что-нибудь хочу подыскать, если ей, конечно, что-нибудь понравится.

— Я ездил на днях в Канди в ювелирку, ничего там не купил.

— Дорого?

— Да не, не в том дело. Просто я этому дедке говорю: «Покажи мне мужские кольца. Мужские!» А он типа не понимает и показывает мне какой-то женский хлам. Потом он вроде понял, долго рылся у себя в закромах и опять приносит такое же фуфло. И говорит: это, мол, мужской дизайн. Да у меня бабушка такие носила!..

Наконец, мотор резко заглох — будто ему патрубок какой-то перерубили. Катя вышла из тук-тука. У дверей лавки их уже поджидал угодливый хозяин. Вскоре все впятером уселись за квадратный стол, на котором пожилой ланкиец разложил свои сокровища. Катя сидела с краю, Ашан — во главе стола, будто бы в терпеливом ожидании скрутив руки на груди и нахмурившись. Потом его рука как бы между прочим пропала из виду — словно он полез порыться в кармане... А на самом деле осторожно нащупал под столом руку Кати. Она подняла на него глаза, но он невозмутимо смотрел в другую сторону. Опять-таки из любопытства Катя не стала отнимать руки. Пока Петя мерил перстни с сапфирами, Ашан держал ее руку в своей и перебирал ее пальцы, все больше смелея. А над столом все происходило, как ни в чем не бывало, — они друг на друга не смотрели. Когда же Кате пришло время мерить перстни, Ашан слегка пожал и отпустил ее ладонь. Он положил локти на стол, и его глаза, устремленные на Петю, снова загорелись черным огнем.

— You are from Russia, you have many money!* — упрекал хозяин магазина, как ему казалось, скупость дорогих гостей.

— No! — возразила Катя, внезапно вступив в разговор, жестикулируя левою рукой. — We are from russian province**.

Ашан стрелял черными глазами то в одного, то в другого, делая вид, что ему дела до всего этого нет — его дело, мол, привезти покупателей и получить свою долю прибыли. Наконец пожилой сингалец разочарованно махнул рукой и отдал перстни за треть первоначаль-

*Вы из России, у вас много денег.

**Нет!.. Мы из российской глубинки.

ной цены. А на Катю накатили тяжелые размышления о жизни и о нирване. На этот раз — тяжелые.

— Даже это дорого, — возразил Петя, когда они снова садились в тук-тук. — Мы думаем, что обидели его, а он ободрал нас как липку.

— Не нас, а вас, — поправил его Коля, так себе ничего и не купивший. — Возьму лучше чаю побольше друзьям — вкусный он тут у них.

Влезая в тук-тук последней, Катя снова почувствовала прикосновение Ашана, поддерживающего ее под локоть. Обыкновенный вежливый жест. Однако ей почему-то почувствовалось в этой темной душе чужеземца злоещее бурление, будто в вулканическом жерле.

«Неужели этим чернокожим ребятам так трудно сдерживаться рядом с женщинами?» — подумала она, теперь уже сверля взглядом широкую спину севшего за руль Ашана.

— А у них тут бабы все какие-то страшенькие, — вдруг сказал сидящий рядом Коля, снова будто прочитав ее мысли. — Эй, Ашан! Ты вот почему не женишься?

Ашан обернулся, потом снова отвернулся и завел мотор.

— Моя девуска погибла. Три года назад, — спустя некоторое время громко сказал он и тронулся с места. — Разбица на мопеде.

— А, ну тогда извини — я не знал, — ответил Коля.

— Ничэво, — перекрывая рев мотора через плечо бросил Ашан. — Но я любить девусэк. У меня два девуска! — похвастался он.

— Это как это? — поинтересовался Коля.

— Одна — в Москва, вторая — на Украина.

— Ни фига се, а! — удивился Коля, и посмотрел в лица Пети и Кати, будто желая увидеть реакцию. — Во дает! А тут есть у тебя девушка, на Шри-Ланке? Как это говорится, постоянная.

— Нэт, — отрезал Ашан.

После обеда делать было нечего. Катя засобиралась на пляж. Петя вышел покурить на балкончик и присел на соломенный стульчик так, что снизу его заметно не было, зато ему через прорези в перилах была видна зеленая лужайка и на ней темнокожие дети, играющие со своим темнокожим отцом.

Он долго смотрел на эту компанию, погрузившись в размышления, и вдруг неожиданно даже для себя выдал:

— I'm looking for you*, — и тут же прикусил язык.

Чернокожий обернулся по сторонам и, никого не увидев, по-добро-поздраву поспешил от балкона, позвав за собой обоих детей.

Петя вдруг расхохотался и долго не мог остановиться. Он весь день рассказывал об этом инциденте — и все, кто его слушал, заливались хохотом вместе с ним, представляя себе эту картину.

— А почему он это сказал? — спросил Коля у Кати, когда Петя в который раз пошел в бар за напитками.

— Ну... знаешь, у него было три сотрясения мозга, — сказала чистую правду Катя. — Поэтому иногда он, ну... говорит то, что думает, вслух. Непроизвольно, понимаешь?

*Я наблюдаю за тобой.

- То есть он разговаривает с собой?
- Не всегда. Но бывает.
- Слушай, как ты с ним вообще живешь? — спросил вдруг Коля.
- То есть? — резко обернулась к нему Катя.
- Ну а вдруг он что-нибудь такое однажды выкинет?..
- А вдруг ты завтра что-нибудь такое выкинешь? — сняв очки, парировала она, поглядев в его веселые блестящие глаза.
- Справедливо, — ответил Коля, всеми силами стараясь не показать своего смущения.
- О чем вы с Ашаном сегодня утром разговаривали? — спросила она, равнодушно отвернувшись к морю и отхлебнув ледяного коктейля, — сегодня она намерена была немного выпить и расслабиться. Пора уже.
- А... Дык он опять предлагал встретиться. У него дома.
- Неужели? Когда?
- Сегодня вечером.

Стены его дома были выкрашены изнутри в темно-зеленый цвет. В «гостиной» стояла большая кровать с деревянной спинкой. На столе дымились благовония.

...Они раскурили кубинскую сигару, которую Петя захватил с собой из дома на случай, если придется угостить кого-нибудь. И вот такой случай представился: там, на Кубе, он производил впечатление на кубинок, пуская клубы при помощи электронной сигареты, а здесь, на Шри-Ланке, дразнил бедных сингалцев, раскуривая «койбу». Ашан, как оказалось, знал, где находится Куба, и слышал о кубинских сигарах и Фиделе. Он был счастлив, даже глаза прикрыл от удовольствия, выпуская ароматный дым через ноздри.

- ...Мой дом стоит десят тысяч долларов, — рассказывал Ашан. — Я сам его строил, на свои деньги.
- Ты молодец, Ашан, — отзывался Коля. — И что, много ты на туристах зарабатываешь?
- Нормально. Хватит, стобы поехать осенью Москва.
- Зачем тебе Москва?
- Хочу посмотрец. Кремлин, Оружейная палата, Маузолей...
- О, ты знаешь нашу столицу, Ашан! — Коля сделал вид, что удивлен.

— Я много читац, — отвечал сингалец. — Мне интересно. Сигару начали передавать по кругу. Когда Петя протянул ее Кате, та возмутилась:

— Ты мне предлагаешь покурить ее после него? — вырвалось у нее. Она прикусила язык. И тут же почувствовала на себе обжигающий взгляд Ашана.

— Ты забыла, сто я понимаю по-русски? — упрекнул он. Внезапно его взгляд потух. Он словно вмиг переменился. Веселость его исчезла, как не бывало. Набывчившись, Ашан отвернулся и тяжело задышал, раздувая ноздри, будто разъяренный бык. Кате стало стыдно.

— Не обижайся, Ашан, девушка просто боится заразы! Она бы и после меня не стала курить. Правда ведь, Катюх? — попытался выровнять ситуацию Коля.

Но Ашан отвернулся к Пете и больше не смотрел на Катю.

— Ты спрашивал про Сигирию. Завтра я туда ехать. Два дэн! — решительно сказал он. — Для вас с Катьей — полцены.

Петя вопросительно взглянул на Катю.

— Двухдневная экскурсия — это тяжело, — заупрямилась она. На нее вдруг накатилась непередаваемая усталость — ей захотелось все оставшиеся дни просто валяться на берегу и смотреть на море. Ни черта она не понимала, что такое нирвана и в чем смысл отказа от удовольствий...

— А я хочу. Представляешь, какое это будет приключение!

— Ну ты и поезжай, а я останусь, — посмотрев на обиженного Ашана, ответила она Пете.

— Как я тебя одну тут оставлю? — колебался Петя. Хотел сказать «среди этих», но передумал — а то Ашан еще сильнее обидится.

— Не переживай, я за ней присмотрю, — заявил Коля.

— А ты почему ехать не хочешь? — спросил Петя.

— Так у меня ведь тоже «олл инклюзивинг».

— Инклюзив, — поправила Катя, снова зевнув.

— Ну да.

— Давай вернемся в отель, — вдруг попросила Катя, которой вдруг стало совсем тоскливо.

В этот момент Ашан, до сих пор не глядевший на Катю, но напряженно прислушивавшийся к разговору, посмотрел на нее в упор. И она посмотрела на него, будто бросая вызов его огненно-черному взгляду.

— Вот те раз, — ничего не понимая, сказал Петя. Он был уже слегка пьян. — Ты разве хочешь спать? Давай еще немножко посидим. До одиннадцати. А потом пойдем. Обещаю!

Катя умоляюще посмотрела на Колю, сидящего напротив. Коля тоже был слегка пьян — впрочем, как обычно. Но он понял ее правильно:

— Петь, айда, правда уже. Девушка устала, — пришел он на помощь Кате. — Спасибо тебе, Ашан! Все очень вкусно было. Но нам пора.

— Пора? — будто встрепенувшись, переспросил Ашан. Выглядел он удивленным до глубины души. Почти оскорбленным. Он понимает, предложил им угощение и почти халявную экскурсию, а они отказываются! Да из-за кого? Из-за женщины!

— Я вас отвезу, — он решительно встал со стула. — Толка сначала есо угостить, в одно место.

Коля усмехнулся:

— Нет, давай без одного места — девушка хочет спать. Отвези нас в отель.

Ашан посмотрел на Колю с возрастающим непониманием: ему было, по-видимому, непонятно столь заботливое отношение к женщинам — на Шри-Ланке дам, похоже, жалели меньше, считали их рожденными для работы терпеливыми созданиями, никогда не мешающими мужчинам пить и чинить тук-туки.

— Пятнадцать минут, — заверил он. — Я просто хотел угостиц настояссая ланкийская еда! Ты такого нигде не пробовать больсэ.

— Ну холосо, вези! — махнул рукой Коля. — Только больше никакого арака. Ик!.. Я уже надрался — и сам это понимаю.

— Да, только поесц! — пообещал повеселевший Ашан. — Я голоден, — он погладил свой живот. — Катя тоэз понравится это есц, — добавил он, опять обжигая ее своим пронзительным взглядом. — Очэнь остро.

В закуской было полно ланкийских физиономий, будто у них принято было напоротья как следует перед сном, когда уже не жарко и больше влезает. В двенадцатом часу они с Петей и Колей начали есть рис, выложенный на блин, запеченный в форме тарелки. Кате не хотелось есть — у нее болела голова. Но она продолжала наблюдать за тем, как сидящие рядом сингалы ели самую распространенную здесь злаковую культуру с банановых листьев — когда еще такое увидишь? А потом... каждый сам — руками! — добавлял по щепотке неведомых специй, находящихся в дюжине тарелочек, стоящих на общем столе. Местные жители — и Ашан тоже — перемешали рис со специями. Руками. И руками же начали его есть. Катя посмотрела на Ашана и, преодолев брезгливость к антисанитарии, положила себе одну щепоточку — она знала, что для нее и этого будет достаточно. Этим самым она снова принимала вызов — окунуться в неведомый мир, стать его частью, принять его, делать, как они. В конце концов, самое страшное, что может случиться, — это расстройство желудка. И... Петя и Коля последовали ее примеру, переглядываясь. Наконец, Коля, весь красный от слишком острой пищи, потянулся к стоящему рядом кувшину с водой, чтобы наполнить свой стакан.

— Не стоит! — засмеялись местные, останавливая его. А ведь могли бы и промолчать...

Вскоре ребятам из России предстояло узнать, для чего этот кувшин: покончив с рисом, сингалы по очереди начали ополаскивать в нем руки.

— Я принэсу тебе йогурт, — сжалился над Колей Ашан и на миг скрылся в глубине полутемной закуской.

Петя уехал скрепя сердце в пять утра. А Катя осталась в отеле «наслаждаться жизнью». Но уже к полудню пожалела об этом. Каждый уборщик номеров, идя навстречу, говорил ей: «Пывет!» и взгляды их были наглее некуда.

К счастью, за обедом она повстречала Колю.

— Почему одна? — спросил он.

— Петя поехал в Сигирию, ты разве забыл?

— А... — с трудом вспомнил он. — А мне тут три дня всего-то и осталось. Эх, надо было брать экскурсионку, — сказал он и заказал два коктейля — для себя и для Кати.

— Нет, я не хочю, — отказалась Катя. И он выпил за двоих.

— Слушай, — говорил Коля, уплетая за обе щеки очень острые куриные ножки с рисом и карри, — они тут меня уже достали: куда ни пойду, везде предлагают «янг герл» — видят, что я один. Не известно, чем они тут болеют, правда? Никогда не думал, что этим меня можно так достать. Вообще-то у меня девушка есть в Москве. А эти сингалки все какие-то страшные.

— Да нет, они просто на любителя.

— Толстые!

— Это да, — согласилась Катя. — Полные преобладают.

— Да еще за сто баксов! За сто баксов я и в Москве могу время неплохо провести.

— Интересно, а мальчики у них тут продаются? — задумчиво произнесла Катя.

— А это можно легко выяснить, — вдруг брякнул Коля и вытер руки о шорты.

Катя и не думала, что Коля воспримет ее вопрос всерьез. Когда же они проходили мимо ресепшена, он вдруг вспомнил разговор за едой и, подойдя к стойке, спросил у молодого сингальца, который не раз предлагал ему «янг герл»:

— Вот тут девушка интересуется, а сколько у вас молодой человек стоять будет? Ну это, купить... бой... для любви! Фо лав!

Работник ресепшена недоуменно посмотрел на Катю, пошущукался с сидящим рядом коллегой, которого поначалу не было видно из-за стойки. И вдруг тот, второй, молодой смазливый сингалец с черными усиками, с готовностью выбежал из-за стойки и на полном серьезе заявил:

— Тэйк ми фри!*

Катя отпрянула и рассмеялась.

— Но-но-но! — отказалась она. — Сенк ю вери-вери мач! Коля, ну что же ты творишь? — она схватила Колю за шкурку и потащила быстрее прочь.

Утром после шторма на берегу было очень много мусора: океан выплевывал все, что в него бросили люди. Здесь были и пустые бутылки, и тубики из-под кремов, и косточки тропических фруктов. Штормило так, что купаться было невозможно. Туристы в шезлонгах потягивали коктейли. А черные уборщики сгребали мусор, рыли ямы и закапывали его в песок. К полудню пляж выглядел чистым и опрятным. Только бесконечные норы в песке, устраиваемые крабами, нарушали песчаную губчатую гладь.

«Мы верим во многие жизни, — вспоминала Катя слова Маду, глядя на бессмысленное снование крабиков. — Очень редко получается человеческая сущность. Но только человек способен прервать бесконечную череду смертей и рождений». Никогда еще Катя не чувствовала такой тяжелой, черной депрессии практически без причины...

На пляже они встретили того самого парня из Украины, который напился намертво до чертиков и разругался со своей спутницей. Дама даже вызвала полицию и попросила политического убежища, благодаря чему двое суток провела в апартаментах для персонала, а после уехала на такси в аэропорт.

— Ну до чего ж она глупая баба! — сетовал Валера. — Она мне пить запрещать еще будет в отпуске! Це ж разве я пью?

— Да не переживай ты так, вернется, — похлопал его по плечу Коля.

— Не, не вернется. На этот раз все, — сказал он и задумчиво посмотрел в океанскую даль. Погода портилась, дул ветер, собирался дождь. — Пошли, ребята, в бар, что ли, потрындим?

*Возьми меня даром!

В баре «потрындели» за стаканчиком виски. Но Катя пить не стала — попросила лимонад. Не то чтобы она за Петю переживала — скорее за себя. Как-то неуютно тут было одной, в компании любителей выпить.

— Ну до чего ж глупая баба! Мозгов нету вообще, — продолжал ныть Валера.

— А она что, совсем не пьет? — сочувствовал Коля.

— Немножко.

— Ну а тебе бы понравилось, если бы она в хлам напивалась?

— Нет, женщинам пить нельзя, — серьезно заявил Валера.

— Это почему же?

— Они потом не могут остановиться, перестают соображать... — он посмотрел на Катю и умолк. — А может, в шахматы резанемся, а? Один разок! — сменил Валера тему.

Когда Катя дважды обыграла Валерия, он заявил, что поддался. И предложил сходить в сувенирный магазинчик за сандаловыми аромопалочками и отбеливающей пастой для зубов. Шопинг удался: Катя сама от себя не ожидала, что от скуки способна потратить столько денег на разные средства для релакса и гигиены. Когда выходили из магазина, уже стемнело.

— Gracias, senora! — отдавая деньги, сказал Коля полногрудой продавщице-сингалке бальзаковского возраста, отчего «сеньора» рассыпалась в любезностях. И даже начала показывать купюры из разных стран, подаренные туристами и положенные на стол под оргстекло — каких там только не было! Коля для пополнения коллекции положил свои сто рублей.

— А наши там, наверное, отрываются по полной, — задумчиво посмотрев в небо, произнес он, когда они шли в отель.

— Надо было ехать, — взгрустнула Катя.

За разговором они не заметили, как к ним из темноты пристроилась темная фигура. Незнакомец некоторое время молча шел рядом, а потом украдкой спросил:

— Анаша? Каннабис?

— Да иди ты к черту! — по своему обыкновению послал его Коля.

— Россия? Украина? — поинтересовался сингалец.

— Босния и Герцеговина! — выпалил Коля. И они прибавили шаг.

Но незнакомец не отставал. Наконец, когда до отеля оставалось метров триста, Коля не выдержал:

— Слушай, ай донт вонт лук ю! — заявил он, двумя пальцами показывая сначала на свои глаза, потом на сингалца. — Ю андестенд? Нет? Я говорю, мы не наркоманы — мы рашен алкоголик! Андестенд? Пшел на фиг!

Наконец сингалец очень обиделся и пошел прочь, бормоча что-то себе под нос.

Океан шумно накатывал и откатывал. А равнодушные уборщики пляжа, как вчера и позавчера, рыли ямы в песке и, сбрасывая туда мусор, закапывали его. По территории отеля ходили полные сингалки, тоже собирая мусор в большие пакеты, которые затем ставили себе на головы и уносили. Катя и на восьмой день своего пребывания тут

не могла поверить в происходящее. Это была совсем другая жизнь, словно сон какой-то.

— Доброе утро, — услышала она. И, обернувшись, увидела Диму.

— Утро доброе, — отозвалась она.

— Я знаю, что вы ездили с Ашаном, — начал Дима. — Но он не учился в России. Я учился в Москве! Я хорошо говорю по-русски. Ашан учил русский на пляже. Я учился университет.

— Да, он рассказывал, — не глядя на него, ответила Катя.

— Я мог бы лучше рассказать о Сри-Ланке...

— Спасибо, мы уже все посмотрели. Завтра уезжаем.

— Уже завтра? Как жалко, — сказал Дима. — Сегодня поехать со мной водопады? Это недалеко — сорок минут на тук-туке.

...Дима водил отвратительно. В одном месте он даже насмерть перепугал полицейского на мотоцикле, вылетев ему навстречу из-за угла: у бедняги чуть шлем с головы не слетел с перепугу.

На водопадах было очень скользко. Катя то и дело поскользнулась на камнях. А Коля лез в ледяную воду и просил себя фотографировать в различных ракурсах. На обратном пути заехали на каучуковую ферму. А по дороге к отелю Дима начал так гнать, что Катя взвизгивала и пыталась уговорить сингальца ехать медленнее.

— Так ты его жена? — спросил, указывая на Колю, Дима. — Или того другого парня?

— Того другого, — ответил Коля.

— А где он?

— В Сигирии с Ашаном.

Дима присвистнул. И добавил, обращаясь к Кате:

— А у нас женщины становятся очень большие, а когда родят — то еще больше.

— Это он комплимент тебе сделал, — наклонившись к Кате, объяснил Коля. — Клеится, собака.

— Я отвезу вас в ресторан поесть крабов, — предложил Дима. — Очень большие, их едят щипцами.

Крабы Кате не понравились — за обедом она вспоминала кубинских лобстеров, которые казались намного вкусней. Наконец им удалось избавиться от Димы, которому они сказали, что желают остаток пути до отеля преодолеть пешком — было уже недалеко. Расплатившись, они вышли из довольно чистого ресторанчика, который содержал немец, и уперлись вдруг в детский сад. В открытой настежь крытой комнате на полу сидели дети и что-то рисовали карандашами.

— А вы что с Петром это, ляльку не заводите? Не хотите? Или не получается? — спросил Коля.

— Не хотим спешить, — немного помедлив, ответила Катя.

— Правильно с одной стороны. Разве ж с лялечкой вот так по-ездишь?..

Когда закончился очередной тропический дождь и вышло солнце, Коля и Катя долго плавали в бассейне, пока его не пришли чистить. А после до отвала наелись в столовой.

— Рустама с Петей действительно не хватает, — сказал Коля. — Остальные по-нашему не ботают. А этот Валера совсем достал уже

со своим нытьем. Действительно, пьянь — еще удивляется, что его жена бросила...

— Не переживай, он уже нашел нам замену, — Катя указала на трех русскоязычных смуглянок, которых начал охмурять киевлянин.

Женщины улыбались и смеялись его шуткам. Потом все четверо вместе ушли.

Но в ту же ночь, выглянув в окно, Катя увидела идущего босиком по мощеной плитняком тропинке Валеру с неизменной бутылкой в руке:

— Оксана-а! — орал он снова, явно забыв, чем намерены закончили его отношения с дамой.

А в пятом часу, когда Валера, Катя и Коля еще сидели за столиком у бассейна и резались в карты, к ним подбежал человек с ресепшена.

— Там приехал Ашан! — объявил он по-английски.

Катя и Коля вскочили и помчались встречать друзей. Петя выглядел усталым, но вполне довольным. Он на ходу обнял и прижал к груди Катю, будто очень соскучился.

Но проходивший мимо Рустам был мрачен и недоволен.

— Ужасно! — буркнул он, направляясь за ключами от номера.

— Ужасно? — переспросила Катя. — Почему?

— Мы вас так рано не ждали, — пожимая всем руки и подтягивая плавки, говорил Коля. — Привет, Ашан!

— Спроси у него лучше, почему он сократил половину обещанного маршрута! — бросил Рустам.

Но Ашан стоял, будто истукан, сложив руки на груди и ожидая, когда с ним рассчитаются за экскурсию. Тогда Катя обратилась к Пете:

— Разве вам не понравилось в Сигирии?

— Понравилось. Только мы в храм пешком поднимались — это было что-то! И там были такие огромные улы диких пчел! Рустам еще спросил, не опасно ли это. А Ашан ответил, что они «редко на людей нападают». Вот ему и не понравилось.

Катя рассмеялась.

— А как отель, в котором вы ночевали?

— Очень высоко — с балкона вид офигенный. Но, конечно, так себе — клоповник. А ты тут как?

— Да ничего. Мы ездили с Димой на водопады.

— С Димой? Это еще кто?

— Помнишь того второго пляжного гида?

Ашан накуксился, посмотрев на Катю. Она заметила, как ревниво он относится к конкурентам.

— Я хотел возить вас на водопады, — сказал он. — Я знаю места лучше. Но теперь я пойду спать.

— Да, нам всем надо немножко отдохнуть, — согласился Петя.

— А на слонах вы катались? — спросила потом Катя.

— Почему-то Ашан был не в духе и не повез нас к слонам.

— Как он это объяснил?

— Сказал, что билетов не было. А по-моему, он просто не выспался и хотел быстрее попасть домой. Оно и к лучшему: у нас еще осталась пара дней — покатаемся на слонах вместе.

...Теперь Катя уже не то чтобы горела желанием покататься на слоне. Еще меньше этого желания стало, когда к площадке на возвышении, где они стояли, подошли животные.

— Я такая неуклюжая, — отнекивалась Катя.

— Ну ты чего? Ты же мечтала! — развел руками Петя. — Трусишь? А если больше не подвернется такая возможность?

— Да, ты прав, — сдалась Катя. — Надо попробовать. Только скажи ему, чтобы он нас не загонял в эту зловонную лужу.

На спину животного была накинута кожаная подстилка. Держаться было практически не за что — разве что за веревочку, повязанную на шее Ноны — так звали слониху. И на ощупь слониха была жесткой и колючей, а не гладкой, как почему-то представлялось с детства.

Петя сел за Катиной спиной. Позади них Коля взгромоздился на спину другого слона. Катали людей в основном самки, они были поспокойнее и без бивней. Но Коле достался «мальчик».

«Наверное, когда едешь на слоне, ощущения, будто плывешь на корабле...» — вспомнились Кате слова отца, проважавшего их с Петей.

«Нет, папа, поверь, — мысленно говорила она сейчас. — Это совсем другие ощущения...»

Приятного было мало. Катя завизжала, когда Нона сделала широкий шаг по склону к грязной речке, из которой слоны привыкли поливать туристов из хобота. Она запаниковала.

— Не пугай животное! — пытался успокоить ее Петя.

— Скажи ему, что я не хочу в воду! Скажи погонщику! А-а-а!

Наконец, осознав, что слониха выходит из воды, понукаемая сингальцем, Катя успокоилась. Нона равнодушно направилась по лесной тропе. Навстречу попадались слоны с целыми семьями на спинах и даже с маленькими детьми.

— Не забывай пригибаться, а то снесет веткой, — напомнил Петя.

...А перед глазами все еще стоял двухлетний слоненок из питомника с прикованной цепью ногой. Он громко, истошно кричал, напуганный большим количеством людей вокруг, пришедших поглазеть на то, как его будут поить молоком. Слониха, стоявшая поодаль, по материнскому инстинкту бросилась было к чужому малышу, но ее жестоко ткнули палкой — чтобы не вздумала!.. А в дальнем углу, обхватив огромным хоботом деревянный столб, тяжело вздыхал, горбив спину, старый трехногий слон.

— Почему они его не усыпят? Это же просто издевательство! — пожалела калеку Катя.

— Наверное, это идет вразрез с идеологией буддистов, — предположил Петя.

Катя взглянула на Ашана:

— Залко его, — согласился он. — Но мы не можем убивать. Мы о нем заботица.

— Да вы просто изверги, — ответила на это Катя.

— ...А чтобы хорошо слезть со слона, давай еще десять долларов! — услышала она, вернувшись в реальность.

— Вот это обдираловка! — удивился Петя, но глядя на огромную лужу внизу, полез в задний карман за деньгами. Правда, достал всего три доллара.

— А я-то думала, это арабская сказка, — пробормотала Катя, балансирующая на шее Ноны.

— А это цейлонская реальность! — крикнул Коля со своего слона, идущего следом.

И, будто в подтверждение его слов, слон прямо вместе с седоками на спине вздумал вспрыгнуть на идущую впереди него слоницу, на которой ютились Катя с Петей.

Катя обхватила, насколько это возможно, серую колючую шею Ноны и прижалась всем телом к черной подстилке. Ей было страшно представить, что она себе сломает, если упадет с такой высоты. Это же практически второй этаж!

— А-а-а! Снимите меня отсюда! — запищала она.

Петя отчаянно цеплялся сзади за Катины шорты, тоже стараясь удержаться.

Зато уж Коля сзади укатывался со смеху так, что у него по щекам текли слезы.

— Вот это да, ребята! Такого со мной еще никогда не было!

Смеялся и погонщик. Но, в конце концов, он разогнал слонов. И обиженный самец в горячах схватил хоботом первую попавшуюся ветку и начал ее жевать.

— Раще! — успел крикнуть погонщик. То есть «расческа» — пригнитесь. И — о чудо! — никогда не увлекавшиеся рафтингом люди на слонах пригнулись. Ветка никого не задела.

Вечер наступал неумолимо быстро. Время, бесценное, утекало сквозь пальцы песком. Становилось ясно, что обещанный Ашаном ужин отменяется. Ребята просто бродили по песку среди крабов вдоль кромки океана.

— О чем ты думаешь? — спросил Петя, ревниво заглядывая в ее глаза, которые она почему-то отводила. И по которым было заметно, что она не здесь. Но где и с кем?

Катя пожала плечами. Она и сама себе не могла ответить четко на вопрос, где ее мысли. Они словно расплзлись по свету, растеклись по всему земному шару. О том, что завтра уезжать? О том, как много денег ушло на эту поездку, но их ни капельки не жалко? О том, что в последний вечер всегда грустно, а утром будет еще тяжелее, а уж по приезде-то!.. О том, что она должна была что-то здесь понять, обрести. Но не обрела, а еще больше запуталась. И о том, что в ней все-таки что-то необратимо переменялось. Или о том еще, куда поехать в следующий отпуск? Ну и, конечно, о том, как вообще жить по возвращении домой. Нужны ли ей семья и дети? Крепка ли в ней вера в ближних и в свои собственные силы? И прочее...

Об Ашане она уже не думала. Он попросил принести из ресторана закуску, чтобы устроить пикник на пляже. И, в свою очередь, обещал принести арак и красный ром «Калипсо», в том числе несколько бутылок «на сувениры», за которые намерен получил от Пети деньги. Но пропал без объяснения причин накануне их отъезда. Только Катя

его почему-то уже простила за это свинство. И щедро раздавала еду бегущим по пляжу собакам.

Как вдруг ее телефон зазвонил.

— Подоздите меня. Я узе близко. Катя! Пять минут! — быстро заговорил в трубку Ашан.

— Хорошо, Ашан. Мы тебя подождем, — пообещала Катя.

Через десять минут он действительно прибежал к ресторану, у которого условились встретиться, — взмыленный и с разбитой, как у сорванца, коленкой.

— Я торопицца очэнь и дазэ упал, — оправдывался он, стирая грязь и почти черную кровь с разбитого колена. И добавил пару ругательных слов по-русски.

При виде этого умильного зрелища, Катя искренне рассмеялась.

— Кто тебя научил материться? — поинтересовалась она, увидев, что лицо Ашана опять принимает обиженное выражение.

— Туристы, — сказал он. И добавил еще два матерных слова, демонстрируя свои знания.

— Ну все, хватит! Больше не надо, — взмолилась Катя.

— В присутствии девушки материться вообще-то нехорошо, — заметил стоявший рядом Петя.

— А это не опасно? — побеспокоилась Катя, указывая ссадину. В таком климате и маленькая царапина могла обернуться большими неприятностями. Подтверждением служила ссадина на пальце Кати, не заживающая уже пятый день.

— Нормално! — Ашан махнул рукой и сменил тему. — Пойдем суда! — поманил он в глубь крытой террасы. Это мои друзия — команда крикет. Это Сатман, это Боб, это...

— Я категорически против! — вдруг заартачился Рустам, увидев «шайку» чернокожих парней за столиком. — Я не хочу с ними здесь сейчас пить! — говорил он, обернувшись к Пете и Коле. — Завтра нам всем уезжать рано утром. Мало ли что!

— Да ладно, это ведь ненадолго. К тому же ты ведь и так не пьешь, — уговаривал Коля. — Это зэ один раз в зызни!

— Да ты достал уже со своей «зызнью»! — не унимался Рустам. — Все, я пошел! И вам советую!

— Мне тоже не нравится идея, — заметил Петя, разглядывая физиономии сидящих за столом.

— Да ладно, вы чё?! Это же его команда, с которой он в крикет играет! Чего их бояться? — продолжал уговаривать Коля. Он-то улетал завтра после обеда.

Тем временем Ашан с возрастающим удивлением смотрел на то, как его белые друзья принимают решение, бояться ли этой компании или нет.

— Чом дело? — спросил он наконец. И в его глазах мелькнуло подозрение на оскорбление.

— Ашан, ты же нас не обидишь? — прямо спросила Катя.

И когда до него вдруг дошло, что она имеет в виду и почему они медлят, Катя испугалась выражения его лица.

— Ти бояцца меня? — с искренним удивлением, будто сделав для себя страшное открытие, произнес он.

Сингальцы за столом, смоля сигаретами, напряглись и внимательно следили за происходящим.

— Я не отравить! Не напоить! Я вас угосить! — продолжал Ашан, подойдя к столу, отхлебнув арак из своего стакана, а остальное выплеснув в стоявшую посередине застолья пепельницу. И вдруг его друзья в знак солидарности тоже повыливали в пепельницу остатки из своих стаканов...

— Вот так и рождаются традиции, — заметил Коля, никогда не паникующий и не унывающий. — Ну что, ребята, нам ничего не остается, как присесть с ними за стол. Не то они... обидяцца.

И, потирая руки, первым выдвинул стул.

— Ну хорошо, немножко посидим и пойдём, — сдался Рустам, которого сверлил взглядом сидящий за столом верзила покрупней Ашана. — Только я маме позвоню.

Он вышел, провожаемый недоверчивыми взглядами ланкийцев.

— Я угосить! Деньги — бумазка! — продолжал все еще разгоряченный обидой Ашан, когда все уже сели за стол. — Главное — дру...

— Друзья, — подсказала Катя.

— Друзия! — подхватил Ашан и вывалил из кармана на стол какую-то бумажную мелочь, несколько рупий. — У меня есть деньги в банк. Много денег. У меня большой счет банк. Я не воровать — я работать. У меня хоросый бизнес. Ашан зе бэст! — закончил он.

— Окей. Ашан зе бест, — успокаивая, похлопал его по плечу Коля, желая уже закрыть неприятную тему. — И все-таки давай хоть скинемся? У меня тоже есть деньги — я не нахлебник. Я тоже зарабатывать!

— Она — бояцца! — продолжал расстраиваться Ашан, указывая пальцем на Катю. — Не верить мне! Но я не обезьяна! Смотри, я тистый! Я мою! — распалившись, он сорвал с себя футболку, действительно свежеевыглаженную, и скомкал ее в руках, протягивая Пете. — Я не тронуц твоя жэна! Она очэнь красивый, хоросый — но пока она с тобой, я не тронуц пальцем!

С этими словами Ашан бесцеремонно положил обе руки на плечи Кате, словно демонстрируя ее всем присутствующим, потрогал ее волосы. Катя сидела спокойно. Она почувствовала в словах и жестах Ашана некую картинность и поняла, что он злится не по-настоящему. Что он, быть может, хочет перемирия — какого-то жеста с ее стороны. Но остальные сингальцы за столиком сверкали глазами все так же напряженно — и кто их знает, что у них там было на уме...

— Успокойся, Ашан, — снова попытался уговорить его Коля. — Мы верим тебе, верим. Ты не обезьяна — ты человек.

— У меня три сестра, — тыча пальцем в свою обнаженную грудь, заявил Ашан Кате. — Я очень люблю сестра! — и он снова положил свою черную руку ей на плечо.

Но вместо того, чтобы остыть, товарищи Ашана, ни бельмеса не понимавшие по-русски, наблюдая за происходящим, еще сильнее забеспокоились. Они возбуждались все больше. Понимая, что дело дрянь, Катя хладнокровно оценила ситуацию и расстановку сил. Четверо черных товарищей уже раздували ноздри — вполне возможно, в предвкушении драки. А вполне возможно, все это было заранее подстроено. Впрочем, эту гипотезу Катя отмела — нельзя же

думать о людях настолько плохо, ничего о них не зная. К тому же не сходились некоторые детали. Например, опоздание Ашана, который перепутал время этой встречи и повез других туристов в магазин. И все же надо было что-то делать. В воздухе запахло жареным. Катя сделала первое, что пришло в голову.

— Ашан, — сказала она, взяв его руку, от чего он мгновенно смолк, словно оглушенный. — Прости, мы не хотели тебя обидеть. Давай выпьем за примирение, — с этими словами она обвила своей рукой со стаканом его руку, второй рукой наливая ему из бутылки арака. — На брудершафт!

Это было первое, что пришло в голову.

Ашан опустошил свой стакан вслед за Катей, не спуская с нее глаз — как затаившийся хищник. Она украдкой метнула взгляд на его посмеивающихся и подшучивающих товарищей. И приняла как должное, что эти люди — не совсем темнота деревенская, и ей, похоже, сейчас придется с ним целоваться.

— Я знаю продолжение этого обряда, — произнес Ашан.

Их руки были все еще сплетены. Странно было видеть свою почти белую кисть на его, черно-коричневой. Воздух трещал.

Ашан с любопытством посмотрел на Петю, сидящего рядом с Катей.

— Ладно уж, поцелуйся с ним один раз, — дал тот добро от-вернувшись.

Но в тот момент, когда Катя уже готова была принести себя в жертву, Ашан вдруг остановил ее:

— Нэ надо. Я зэ сказал — ты здесь с Петьей, и я тебя не трогац.

Сказав это, он гордо убрал руку.

— Слушай, Рустам, сходи принеси пива, — попросил Коля только что вернувшегося Рустама. — Выпьем в знак примирения. Заодно маме еще раз позвонишь. Арака мне много не осилить...

— У меня с собой только пять баксов.

— погоди, я сейчас тебе добавлю, — с этими словами Коля полез в задний карман за деньгами.

Ашан отвернулся, встал в стороне, но не уходил. Продолжал строить из себя обиженного. А Катя разговорилась по-английски с Сатманом, тем самым верзилкой. Впрочем, она не была уверена, что правильно произносит его имя. Они говорили о крикете, о том, как составляются ланкийские имена, и о жизни вообще. Петя подружился с Бобом. А Коля трещал с Рустамом.

— Раньше в наших семьях было много детей, пять-шесть, — объяснял Сатман, положив свои мощные бицепсы на пластиковую поверхность стола. Пожалуй, он тут один превосходил по размерам Ашана. — А теперь все по-другому. Вот я у родителей вообще один...

Но через его плечо Катя видела краем глаза их бессменного гида, поблескивающего черными глазами. То он курил, то отхлебывал пиво, совершенно не пьянея.

— Поехали катаца на тук-туке! — неожиданно предложил он. — У тебя есть права? — обратился он к Кате.

— Да, у нее есть права! — заявил уже прилично захмелевший Петя. Ему показалось, Кате будет интересно такое приключение. Тем

более что она была практически трезва — опасалась перебрать. А после того единственного «брудершафта» хорошо закусила макаронами с карри. Желая остаться в здравом уме и твердой памяти, лишь только пригубляла и нещадно доливала в свой так и не допитый арак колу.

— Садис! — указал Ашан Кате на водительское сидение. И сам сел рядом с нею, вплотную. Катя сама не поняла, как оказалась за рулем — все произошло как бы помимо ее воли. Было тесновато, но вполне удобно.

Остальные забрались назад: на сиденье, предназначенном для двух, максимум — трех человек, да и то худощавых, уместились Коля, Рустам, Петя и сингальский друг Ашана, который знал лишь несколько слов по-русски и столько же — по-английски. Все были пьяные и веселые, кроме Кати и непьющего Рустама, и сразу же начали орать песни, в том числе русские народные. Сингалец подпевал, коверкая слова.

Да, Катя была практически трезва. Но все происходящее вскружило ей голову похлеще арака. Однако, услышав звук заведенного мотора и взявшись за руль, она моментально протрезвела и осознала, что делает и какую взваливает на себя ответственность. Но уже не могла отказаться от того, что бывает «раз в жизни». Да, она хотела это сделать! Катя знала, как управлять мопедом, лишь теоретически. Тем не менее, плавно тронулась с места и каким-то чудом включила вторую скорость. Обогнала мотоциклиста, который пытался разглядеть, что же происходит в этом одноглазом тук-туке с помятым передком. А потом начала газовать, и сидящий вплотную к ней Ашан, положив ее руки на свои, попросил остановиться и принялся объяснять:

— Вот так — не надо, видис? — он начал сильно крутить ручку, газуя на месте. — Так не мозно — понимаес?

— Ага.

— Смотри. Это — нормално. Понимаес? — продолжал он ее учить.

— Да.

— Хоросо. Давай. Поехали!

— Катья, да-вай! Да-вай! — подхватил веселый сингалец с заднего сидения. — Нани-на, нани-нани-на, на-нани-та, на-ни-та, нани-нани-та... Дин-дирин-дан-дан... Русский пипл хо-ро-оший!

— Ой, мороз, моро-оз! Не морозь меня! — затянул во всю глотку Коля.

— Не моро-озь меня-а! Моего-о коня! — подхватили Рустам и Петя.

И насколько необычно было слышать это в тропической ночи, понять смог бы лишь тот, кто ехал в том одноглазом тук-туке.

Они доехали до железнодорожного переезда, через который на днях шли в гости к Ашану. Но на нем внезапно заглохли. И все затихли.

— Как-то это мы опасно остановились, — заметил Рустам, вспоминая, как быстро и часто проносятся здесь поезда без окон и дверей. В отличие от остальных, ему, трезвому, это уже не казалось забавным. Эти «убитые» составы-призраки появлялись всегда внезапно, словно из ниоткуда. Их приближение могли почувствовать разве что сингалцы, стоящие на рельсах босыми ногами. Но сейчас никого вокруг не было — только тишина, в которой оглушительно пели, почти кричали, местные сверчки.

Все затихли, но тук-тук не покидали. Ашан чуть отстранил Катю от руля и сосредоточенно пытался завести двигатель. Не было видно ни зги. Коля светил телефоном.

— Бензин кончился, — сказал он наконец.

— Ашан, помни о поезде! — напомнил Коля.

Некоторое время повозившись со своим тук-туком, мрачный Ашан скомандовал:

— Выхадыте!

Все выбежали из тук-тука, в том числе и Петя. А Катя осталась сидеть за рулем вместе с Ашаном. Ей почему-то не было страшно, а он ее не прогонял, потому что, наверное, был уверен в себе. Похоже, он знал, что делать и в какой момент покинуть тук-тук, если завести его сейчас не удастся. Катя надеялась, что знал. Он сосредоточенно громко дышал.

Когда всем вдруг показалось, что вдали слышится гул несущегося поезда, Петя уже начинал трезветь, напряженно вглядываясь в темные очертания тук-тука, стоящего прямо на рельсах. Остальные с замиранием сердца смотрели на странную парочку сидящих вдвоем на одном сиденье за рулем, они выглядели, как черно-белые сиамские близнецы. Или как двуглавое гневное сингальское божество. Они держали руль вместе — руки Ашана лежали поверх рук Кати, тоже держащей руль. Он продолжал возиться со своим рыдваном.

— Бросайте тук-тук и уходите! — крикнул Коля. И отбросил в сторону бутылку, разбившуюся с протяжным тоскливым дребезгом. Его и правда спиртное не брало.

Но Ашан только злобно осклабился и сделал еще одну попытку завестись. И в тот момент, когда Петя уже готов был броситься и оттащить Катю из лап смерти, единственный глаз выдавшего виды тук-тука вдруг зловеще зажегся и двигатель затарахтел.

Ашан отчаянно газовал.

— Ты же сказал, что так не надо, — заметила Катя, совершенно не беспокоясь о приближающемся поезде. А может быть, и не было никакого поезда, а был всего лишь акустический обман.

— Ну это... ми посмотрим, — наскоро объяснил Ашан, имея в виду, вероятно, что иногда правила можно и нарушать.

Тук-тук тронулся с места и медленно съехал с путей.

— Это было совсем не смешно! — возмутился Коля, когда вокруг поднялся веселый гвалт поздравлений.

— Бистрей! — махнул рукой Ашан, не желая останавливаться, пока транспортное средство вновь не заглохло. И все попрыгали в тук-тук на ходу. В этот момент позади них с рокочущим грохотом пронесся короткий состав. И так же незаметно скрылся в темноте, как бы и не было его вовсе.

— Вы это слышали? — спросил Рустам.

Но никто ему не ответил.

Теперь Катя просто сидела, больше не желая принимать участие в вождении тук-тука — до нее будто бы вдруг дошло, чем все это могло закончиться только что. Ее левый бок вспотел от сидящего рядом горячего, как печка, Ашана — хоть выжимай. Он мрачно молчал. Никто больше не желал затягивать песен. Ночь была жаркой и душной.

Пахло не на шутку разбеспокоившимся океаном, приглушающим все звуки.

Последние сто метров до отеля парни толкали вновь заглохший тук-тук с сидящей внутри молчаливой Катей, которая подруливала.

— Ашан, а если бы он не завелся, ты бы так и не смог бросить свой тук-тук? — поинтересовался уже у ворот отеля запыхавшийся Коля.

— Я не дебил, — не оборачиваясь к нему, безапелляционно ответил Ашан.

— Ну и где он опять? — беспокоился Коля.

— Он обещал прийти к воротам отеля через двадцать минут, — пожал плечами Петя.

— Да ладно! Что мы — еще за аборигенами будем бегать? Пойдем лучше пива выпьем, — предложил Коля. — В последний раз.

— Вы пейте, а я на океан посмотрю, — сказала Катя и ушла.

— Ох, одно расстройство... — вздохнул Коля.

Рустам нервно курил. Потом сказал:

— То есть эта сволочь Ашан забрал наши денежки, а обещанную выпивку так и не принес?

— Ты-то что переживаешь? Ты ведь не пьешь! — заметил Коля.

— Да все равно... Как-то обидно за ребят.

— Сами лохи, — заметил Петя. — Нечего было все это на последний день оставлять. В Интернете, ты же говорил, полно отзывов о кидалове со стороны этих пляжных мальчиков.

— Да кто ж знал! Все же так хорошо было.

— Очень хорошо! Он нас всех чуть не угробил только что, — бухтел Рустам.

— Это он Катю чуть не угробил. А ты вообще-то из тук-тука первым выскочил, — опять поправил Коля.

Внезапно Катин телефон опять зазвонил.

— А где Петя? — спросил Ашан.

— Они в баре, — перекрывая рев океана, отвечала Катя. — Они ждали тебя, но не дождались.

— А у тебя это там сто — океан?

— Да, я на пляже, смотрю на волны. В последний раз.

— Сказы им, я скоро приду.

Внезапно связь оборвалась. И Ашан вышел из темноты за спиной Кати.

— Скажи им сам, — сказала Катя обернувшись. — У тебя тариф выгодней.

Когда пришли остальные, Катя с наслаждением плюхнулась прямо на песок, тем самым приглашая и остальных сесть кружком. Так они и сделали. Совсем рядом ревел океан. Разговор шел о разном, о вечном — о том, что они, быть может, приедут на следующий год снова и в том же составе. Но каждый знал, что этого не случится. Даже Рустам в тот вечер выпил, а потом первый пошел спать. Вторым ушел Коля. А Петя растянулся на деревянном шезлонге под пальмой и закемарил.

— А ты, говорят, видел цунами? — спросила Катя, присев рядом с Ашаном у подножия пальмы. Песок был сырым и прохладным — в

последний раз. Чернокожие друзья резвились в сторонке — ловили крабов с фонариками.

— Да, видел. Десять лет назад. Тот день я был на пляже. Я видел: море отосло на пятьсот метров, — он поднял руку и словно отогнал от себя океан. — Я побезал отель — предупредиц всех. Кто не успели безать — лезть на пальма. Пальма очень крепкий, волна прошла — пальма стоит, — сказал он, похлопав по стволу пальму. А потом добавил: — Мой друг, его зэна и дети были в автобусе на берегу. Все погибли.

Помолчали. Океан шумел, ревел, накатывая в сумраке на песок, будто пытаясь дотянуться до их ног.

— Ты видишь эту красоту или ты к ней привык и уже не замечаешь ее? — спросила Катя.

— Я знаю, сто у нас самая красивая зэмя.

— А ты другие земли разве видел?

— Это не вазно. Мозет, разбудить Петью?

— Не надо, пусть спит.

— Хотес, я ессо покатать тебя на тук-туке?

— Нет, спасибо. Я хочу попрощаться с твоим океаном.

Еще помолчали... На Катю снова накатила тяжелая депрессия, неразрешимая — какой она никогда не чувствовала, даже когда было намного тяжелее, чем сейчас.

— А вот представь себе: жили мы себе на свете, жили, а потом нас не стало. Мы любили красоту, друг друга, цветы, фрукты, дорогие напитки, отпускающие боль... Но я не могу, все равно не могу убедить себя, что ничего этого не было нужно! Во что вы верите? — заговорила Катя. — В какой-то бред! Что от всего этого надо отречься! Что нужно жить, как бомжи?

— Да, надо зыть, как бомзы, — твердо ответил Ашан.

— Почему же ты собираешься ехать в Москву? Зачем ты учишь наш язык?

Он белозубо улыбнулся и пожал плечами, с любопытством и откровенным восхищением наблюдая за ее попытками постичь непостижимое. Осилить мыслью то, что неподвластно уму человеческому.

— Вот почему, скажи мне, ты сейчас смотришь на океан? — привела она еще один аргумент, как ей казалось, разрушающий до основания учение о нирване.

— Потому сто ты рядом, ты красива, и я восхиссяца, — внезапно сказал Ашан, перестав улыбаться. — Вон смотри! — Он снова положил черную руку на ее плечо, а вторую протянул вперед и указал пальцем на еле заметную пока полоску рассвета вдали над океаном. — Утро наступит — и тебя не стать. А я узэ здес. И я тозэ умереть. Я не стать бог! И ты не стать бог. Потому сто нам хоросо. Разве тебе не хоросо?

— Да, ты прав, хоросо, — угрюмо сказала Катя, внезапно сдавшись.

Они снова надолго замолчали, глядя вдаль, в темноту, и думая о нирване. И постепенно Кате начало казаться, что они растворяются в этой темноте. Что ее больше нет.

— Может, это она и есть? — сказала Катя. — Но тогда и она не вечна! Она сейчас кончится, твоя нирвана, — раздраженно до-

бавила Катя, вспомнив спавшего на шезлонге в паре сотен метров отсюда Петю и утренний рейс. — Значит, и ставший буддой может внезапно захотеть кофейку, выйти из транса и предать свою веру.

Ашан встрепенулся, повернув голову и посмотрев на Катю, словно она сказала что-то непростительно крамольное.

— Это нельзя понимать, это надо просто верить, — без тени шутки произнес он. Будто собирався объяснить, вдолбить ей, неверующей. — Они — боги, мы — люди, — указал он сначала на небеса, потом на себя и на Катю. Он почти сливался с темнотой, но Катя угадывала его движения, как будто хорошо видела его всего, а не только зубы и белки глаз. — Так есц. А я не бог — и я слаб от казаца от всего.

Их обдало брызгами разбившейся о лежащую на берегу корягу волны.

На душе было тяжело — уезжать всегда тяжело. Из мыслей почему-то не уходил ставший привычным за все эти дни образ темнокожего Ашана. Его подкупающая щедрость и напускная доброта. Его голос, его «ш», которое он произносил как «с», «ж» — как «з». Его чернокожие друзья, их с Петей белые товарищи, которые разъезжались отсюда со слезами на глазах. Катя знала, что тоже будет сдерживать слезы — так всегда бывает. Но ведь это лучше, чем ничего. Чем всю жизнь не выезжать из одного-единственного города — от таких мыслей становилось просто тошно.

«Господи, я ведь правда никогда больше такого не увижу», — думала она, глядя на океан, который на стыке с небом предательски светлел. Потом она поняла, что борется со сном и хочет, чтобы утро подольше не наступало.

Двухэтажный аэробус разогнался и тяжело оторвался от земли. В этот момент у Кати возникло ощущение, будто у нее отвалился и остался там, внизу, большой кусок сердца — целая половина. В первые минуты полета она была уверена, что обязательно вернется за ним, например, в следующем году. Но уже к концу полета, к моменту приземления Катя думала по-другому. Она знала, что никогда не вернется на Шри-Ланку, никогда больше не увидит Ашана и его темнокожих приятелей, не погуляет по мокрому песку, случайно наступая босыми ногами на самых нерасторопных крабиков. Не в ее правилах было приезжать дважды в одно и то же место, жизнь слишком коротка для такого нерационального использования времени и средств. В крайнем случае, она может поехать в Индию, где все почти то же самое, только, говорят, неопрятнее...

Во время полета на высоте десять тысяч метров Катя смотрела фильм на немецком языке о Второй мировой войне и молча глотала слезы. Гул шасси, выпущенных загодя, несколько приглушил боль, напомнив свист ветра в дверных щелях в российские февральские метели. В момент соприкосновения с землей стало немного легче. Но тут же зазвонил телефон.

— Вы долетели нормально? Ты позвонис мне по Скайпу?

— Только что приземлились. Ашан, ты не представляешь, как я уже скучаю, — сказала Катя то, что чувствовала.

— Я тозе очэнь скучаю, — сказал Ашан. — Я есо позвоню. Ти позвонис мне по Скайпу?

— Хорошо, до связи.

— Пока.

— Пока.

По приезде Катерина навестила родителей, чтобы показать фотографии и вручить привезенные из путешествия сувениры. Но родители завели свою пластинку о том, что лучше никуда не ездить — и деньги, и здоровье, и нервы целее, мол, будут. К тому же собака, огород, дом... Кто за всем этим последит?

Катя слушала, как всегда молча, но настроение ее за тарелкой ботвиньи было мрачнее некуда. И от этих здравых рассуждений становилось еще хуже. В конце концов, она небрежно бросила ложку в тарелку и заявила:

— Я все равно буду путешествовать — сколько смогу. Потому что в этом моя жизнь.

— Вот поэтому я и не люблю никуда ездить, — подвел черту отец. — Во избежание таких вот стрессов...

И посмотрел на угрюмое лицо Кати.

«Мы просто разные люди, — думала Катя, не желая вступать больше в полемику. — Для меня жизнь, о которой они мечтают, — это медленная мучительная смерть».

— Ты не представляешь, как там было здорово: я словно побывала в сказке, — попыталась объяснить пришедшей в гости подруге Катя.

— Что-то я так и не поняла... Вы что, так и не переспали? — с открытым ртом слушая рассказ подруги, разочарованно спросила Женя.

— Дура ты, Женька! — сказала Катя.